

Леня Герзон
Зверж

Лёня Герзон

Зверж

«Accent Graphics communications»

2016

Герзон Л.

Зверж / Л. Герзон — «Accent Graphics communications», 2016

Сказочная повесть для детей и всей семьи о том, как людишки из города Цветограда решили Вегетарианский вопрос.

© Герзон Л., 2016
© Accent Graphics
communications, 2016

Содержание

Глава нулевая	6
Глава первая. Барвинка	7
Глава вторая. Утренняя встреча	9
Глава третья. Новая диета	12
Глава третья с половиной. А возможно ли это?	16
Глава четвертая. Философский вопрос	18
Глава четвертая с половиной. За обедом	24
Глава пятая. В этом что-то есть	28
Глава шестая. Как назвать?	29
Глава седьмая. Новая вегетарианка	33
Глава седьмая с половиной. Для чего нужна красота	38
Глава восьмая. Мерюкряк	41
Глава девятая. Борьба	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Леня Герзон Зверж

Многие люди подобны колбасам: чем их начиняют, то и носят в себе.
Козьма Прутков.

Рисунки Ирины Глузман

Глава нулевая

Эта книга про людишек – крошечных существ, которые, как и люди, произошли от обезьян (только от маленьких). Людишки во многом похожи на обыкновенных, больших людей. Они разумные, живут в городах, ездят на автомобилях и даже могут пользоваться Интернетом (если их научить). Только ростом они поменьше – примерно как спелый банан, то есть, раз в десять ниже, чем люди. Людишки называют себя малянцами и малянками. Если вы не читали книгу «Приключения Никтошки» и еще не знакомы с людишками, то ничего страшного – начинайте читать прямо отсюда и постепенно всё поймете.

Глава первая. Барвинка

В Ромашковом переулке, в собственном домике, жила малянка по имени Барвинка. У Барвинки были большие черные глаза. Сама она была маленькая и худенькая и носила всегда короткую стрижку, потертые джинсы и какую-нибудь невзрачную футболку, которая ей совсем не шла. С виду она была совсем незаметной. Но у Барвинки был такой пронзительно-громкий голос и такое неутомимое стремление во все вступать, всех в чем-нибудь уличать, всем что-нибудь доказывать и опровергать любое общепринятое мнение, – что не заметить ее было невозможно.

Барвинка ненавидела любую несправедливость. Она ходила по городу и своими большими черными глазами искала ее. В таком прекрасном, сказочном месте, как Цветоград, трудно найти несправедливость, но если как следует постараться, то в конце концов найдешь. Отыскав несправедливость, Барвинка беспощадно с ней боролась до полной победы.

Барвинка любила всех раздражать. Но, в отличие от Пустомели, который морочил цветоградцам голову всякими пустыми нелепицами, Барвинка сбивала их с толку своими справедливыми идеями. Например, один раз она услышала, как доктор Шприц сказал слесарю Напильнику:

– Придется, у тебя, видно, Напильник, взять мазок из горла, а на ночь прописать пару укольчиков. А то что-то ты сегодня слишком медленно работаешь. Меня больные ждут!

Доктору Шприцу нужно было выезжать на вызов, а машина как раз сломалась. Напильник тем временем что-то неспешно ковырял в моторе. Он выглядел усталым и невыспавшимся и делал всё как-то медленно. Все уже привыкли к угрозам Шприца и не воспринимали их всерьез. Но Барвинка, как раз проходившая по улице мимо того места, где застрял автомобиль, остановилась и своим звонким голосом, так, что услышали и другие прохожие, произнесла:

– Вы, доктор Шприц, и правда считаете, что работающего людишку нужно подгонять угрозами отравить его организм инъекцией ненужных медикаментов?

Шприц, который совсем не был готов к такому вопросу, застыл на месте и заморгал глазами.

– Почему бы вам вместо шприца и антибиотиков не иметь при себе кнут? Тогда он, – Барвинка кивнула на слесаря, – двигался бы куда живее!

И, не дав Шприцу сказать слова в ответ, она подняла голову и гордо прошла мимо.

Пустомеля, как известно, обижал малянок направо и налево. Смеялся над ними, говорил обидные слова, дергал за косы, а мог даже и подтолкнуть малянку, если она зазевалась на краю лужи – так что та, потеряв равновесие, падала прямо в грязь. Как-то раз, когда он еще не был знаком с Барвинкой, Пустомеля повстречал ее на улице. Барвинка шла по тротуару ему навстречу, совершенно не обращая внимания на Пустомелю. А ведь его яркий, красно-синий тренировочный костюм всегда видно издалека! Да и вообще, Пустомеля привык, что малянки, увидев его, бросаются врассыпную и стремятся забиться куда-нибудь подальше. Барвинка смотрела поверх Пустомелиной головы на белые облака. Тротуар был узкий, и Барвинка

чуть не натолкнулась на Пустомелю. Ростом она была ему всего по плечо. Пустомеле пришлось остановиться.

– Разве не видишь, что я иду? – спросил он, слегка опешивший от такой наглости.

– Простите, кто это я? – поинтересовалась Барвинка, остановившись в одном шаге от Пустомели и оглядев его с ног до головы спокойным холодным взглядом.

– Ах ты, малявка! – рассердился Пустомеля и замахнулся кулаком, собираясь треснуть эту нахальную людишку прямо по голове.

Барвинка не двинулась с места, и даже выражение ее лица не изменилось. Только огромные черные глаза немного сузились.

– Ударь, попробуй, – сказала она, глядя ему в зрачки так, что Пустомеле пришлось отвести взгляд.

– Подумаешь, – проворчал он, но все-таки отошел в сторону, давая Барвинке дорогу.

– А вот вы подумайте, – ответила она. – Вы и правда считаете, что можно ударить живого людишку по лицу только за то, что он не уступил вам дорогу?

Пустомеля открыл рот, чтобы что-нибудь сказать, но не смог ничего придумать.

– Тогда я бы вам посоветовала найти железную палку и всегда носить ее с собой. А как встретится вам прохожий – бейте его палкой по голове наотмашь. Тогда дорога для вас всегда будет свободна.

Сказав это, Барвинка отвернулась от Пустомели и прошла мимо. А Пустомеля так и стоял, не сдвинувшись с места, глядя ей вслед. Он даже забыл закрыть рот.

Глава вторая. Утренняя встреча

Прошло несколько дней после того, как Никтошка вернулся в Цветоград. Тот самый Никтошка из книги «Приключения Никтошки», который долго везде блуждал, а потом наконец вернулся домой. Барвинка, разумеется, о Никтошке не имела никакого понятия. Было раннее утро, а Барвинка любила вставать ни свет ни заря. Полив маленький садик, в котором она выращивала чернику и землянику, Барвинка нацепила свои потертые джинсы и мятую невзрачную футболку и вышла на улицу.

Она медленно шла по бульвару Гладиолусов, вдоль которого росли эти высокие благородные цветы, и задумчиво постукивала кулачком по их толстым, словно фонарный столб, стеблям. Несмотря на то, что была уже осень, еще не все гладиолусы отцвели. Главный садовник Цветограда Букашка поддерживал в городе цветение почти до самой зимы. После недавней грозы повсюду лежали красные, оранжевые и желтые одеяла кленовых листьев, занесенные ветром из соседнего леса. Барвинка о чем-то задумалась и медленно шла по этим одеялам, переступая с одного на другое.

Бульвар был пуст, людишки еще не проснулись. Только далеко впереди кто-то шел Барвинке навстречу. Это был охотник Патрон. На поводке он вел своего бультерьера Булика, а через плечо у него висело охотничье ружье. Булик вырвался и с веселым лаем кинулся лизать Барвинке лицо.

– Куда направляешься? – спросила Барвинка Патрона.

Они с Патроном были на «ты». Барвинка часто встречала охотника где-нибудь в парке или в поле и играла с Буликом. Она вообще любила животных и всегда помогала им. В столовой у нее стоял террариум с дождевыми червями – Барвинка отбила их в один дождливый день у хулиганов Бычка и Кнутика, таскавших червей за хвост. В спальне жили две гусеницы, которых Барвинка любила гладить и подкладывала себе под голову вместо подушек. В гостиной стояла клетка с ручной стрекозой. Барвинка иногда выпускала ее полетать по дому.

Кроме этих относительно мелких существ (стрекоза для людишек примерно как для нас – птица-альбатрос) у Барвинки в доме жили еще четыре кошки. Каждое утро она выставляла у крыльца таз сметаны и целое огромное корыто молока. Кошки и коты сбегались чуть ли не со всего Цветограда. Нередко они затевали спор и орали друг на друга, раскрыв пасти. Жители соседних домов жаловались, что их так рано будят по утрам. Но больше всего соседей раздражало то, что это кормление мешало мусорной машине заезжать в Ромашковый переулок, потому что коты ведь для людишек размером с тигра, а попробуйте представить себе стадо из пятидесяти тигров на своей улице! Так что мусорщики, бывало, по нескольку дней игнорировали переулок, и он оказывался завален мусором.

– Куда направляетесь? – спросила Барвинка, целуя Булика в его широкую, добродушную морду.

– Да вот, на охоту идем, – ответил Патрон. – Малянцы пристали – давно, говорят, мяса не ели, принеси чего-нибудь. Вот и пришлось рано встать и идти в лес.

– А на кого будете охотиться? – поинтересовалась Барвинка. Она никогда не была на охоте и с трудом представляла себе, что это такое.

– На кого получится, – ответил Патрон. – Может, на уток или на зайца. А если повезет – и лося застрелю, тогда малянцам на четыре месяца мяса хватит. У нас Напильник с Молотком недавно закончили строить большой холодильник во дворе. Он размером почти с наш дом, только весь находится под землей. Туда как раз целый лось влезет. Правда, придется всех в лес звать, чтобы помогли дотащить – одному не справиться.

У Барвинки было сильно развито воображение. Она вообще была очень впечатлительная. Если ей что-нибудь рассказывали, она моментально представляла это себе во всех самых мелких деталях и подробностях. Барвинка тотчас увидела перед глазами эту картину: людишки тащат по улицам несчастного лося с печально вытянутой мордой и длинными рогами. Ноги бедного животного волочатся по пыльному тротуару, рога цепляются за фонарные столбы. А потом его запихивают под землю, в мрачный холодильник.

Барвинке стало нехорошо. Несмотря на свежий утренний ветерок, она почувствовала, что ей жарко. Малянка вытерла футболкой мокрый лоб.

– А как же... как же вы его по улицам несете? – заикаясь, спросила она. – Ведь он будет рогами... копытами... за дома задевать.

– Что ты! – рассмеялся Патрон. – Кто ж целиком тащит? Мы его по кусочкам. Сначала...

Но Барвинка уже не слушала. У нее закружилась голова. Нет, Барвинка тоже, конечно же, ела мясо. Сама-то она готовить не любила и всегда питалась в столовой на углу бульвара Кактусов и улицы Росянок. На обед там давали куриные котлеты или говяжий гуляш, или свиную отбивную. Но Барвинка никогда не задумывалась, из чего, или, вернее, из кого всё это приготовлено. Теперь она вспомнила всё, что ела в столовой, и живо представила себе этих несчастных животных!

Барвинке стало очень нехорошо. Ее затошнило. Она давно уже не слушала Патрона, увлеченно рассказывавшего про охоту. До ее сознания долетали только отдельные фразы: «Утку сбить непросто, надо хорошо целиться». «Кабан очень сильный. В него и двадцать пуль всадишь – он устоит». Барвинка опустила на корточки.

– Барвинка, что с тобой? – испугался Патрон. Он присел рядом с ней. Булик, увидев, что Барвинке плохо, пытался помочь, облизывая своим мокрым языком ей лицо.

У Барвинки сильно стучало сердце и звенело в ушах. Сквозь этот звон до нее доносились слова Патрона:

– Ты, наверно, с утра не поела... я тоже если вовремя не поем...

Барвинка уткнула голову в колени.

– Надо срочно позвать Шприца. Беги, Булик! – закричал охотник.

– Хорошо, что у меня с собой бутерброд с колбасой. Вот, держи. – И Патрон вытащил из рюкзака бутерброд. – Ветчина свежая, только вчера сделанная. Свиная.

У Барвинки потемнело в глазах, и что было дальше – она не помнила. Очнувшись она от обморока в гостинной дома на Незабудковой улице, куда охотник Патрон принес Барвинку на руках.

– Это нервное, – сказал доктор Шприц, дав малянке понюхать нашатырного спирта.

Глава третья. Новая диета

С тех пор Барвинка мяса в рот не брала. Она теперь даже запах вареного или жареного мяса не выносила. Барвинка не могла больше есть в столовой на улице Росянок, потому что там пахло мясом. Пришлось ей научиться самой себе готовить. Как-то раз к ней зашла Кнопочка и застала Барвинку за этим занятием.

– Первый раз вижу тебя занятой приготовлением пищи! – удивилась Кнопочка. – С каких это пор ты готовишь?

– Да вот... решила не ходить больше в столовую.

– Ну и правильно. Как можно есть эту гадость? Они даже курицу как следует запечь не умеют!

Подруга так глянула на Кнопочку, что та испугалась.

– Курицу?! – грозно переспросила Барвинка.

– Ну да, ку-... рицу...

Кнопочка присела на краешек стула. Кухня у Барвинки выглядела неважно. Шкафчики – все в пятнах пригоревшего жира. Плита давно не чищена. Окно закоптелое. На посуде какой-то странный налет...

– Хочешь, я помогу тебе тут убрать? – предложила Кнопочка, чтобы перевести разговор на другую тему.

– Нет, – ответила Барвинка. – Мне сейчас не до того.

Кнопочка помолчала. Она почувствовала, что подруга не в духе.

– Скажи... задумчиво произнесла Барвинка. – Ты когда последний раз курицу ела?

– Я?... курицу?

– Да.

– Кажется... кажется, в прошлую пятницу. Или нет, в четверг вечером. У Мошки на дне рождения.

– В пятницу... а как ты думаешь, что эта курица делала до пятницы?

– До пятницы? – испуганно переспросила Кнопочка. Ей вдруг показалось, что Барвинка сошла с ума.

– Да, до пятницы. Что она делала в четверг, в среду, во вторник?

Яичница у Барвинки стала пригорать, но она не обращала на это внимание.

– Я не знаю, – пролепетала Кнопочка. Она опасливо взглянула на Барвинку и приподнялась со стула. – Пожалуй, я пойду, мне пора...

– Сиди! – приказала Барвинка.

Кнопочка послушно уселась обратно на стул.

– Я тебе скажу, что делала эта курица. Которую ты съела.

Кнопочка молча ждала.

– Она жила.

– Жила?

– Да, жила, ясно тебе?

– Но... Мошка ее купила в среду, и, когда служба доставки ее привезла... она была уже... была уже... мертвая.

– Мертвая, – передразнила Барвинка. – Какая разница, что она была в среду мертвая?

– Я не знаю, – жалобно проговорила Кнопочка. Она теперь не сомневалась, что Барвинка сумасшедшая, только очень боялась, чтобы та на нее как-нибудь не напала.

От жарящейся яичницы тем временем повалил удушливый коричневый дым. Окно, выходящее в сад, было закрыто. Кнопочка и Барвинка стали кашлять. Барвинка как будто очну-

лась. Она схватила сковородку, кинула ее в раковину и открыла воду. От сковородки пошел пар. Кнопочка бросилась к окну и открыла его.

– Фу, – сказала она, отдышавшись, и посмотрела на Барвинку. Кажется, теперь Барвинка выглядела вполне нормальной.

– Тут так было душно, – с облегчением сказала Кнопочка. – Тебе нужно чаще проветривать и побольше бывать на свежем воздухе.

– Кнопочка! Не морочь мне голову! Курица была живая, бегала по травке, клевала зернышки и радовалась жизни. Вы ее убили, а потом съели. Это отвратительно! Я так больше жить не хочу!

– Что ты, – Кнопочка всплеснула руками, – я никого не убивала!

– Не ты, так другие убили, но ведь ты ела, ела!

– Ела? Да, ты права, ела...

Кнопочка задумалась. Она снова опустилась на стул и наморщила лобик, словно что-то усиленно соображая. Барвинка стояла в углу, скрестив руки, и не мешала ей.

– Да, ты права, – сказала наконец Кнопочка. – Я ее ела. Ела эту мертвую курицу. Боже мой, как это отвратительно!

– Конечно, отвратительно! Гадко и безобразно! У курицы, наверное, были дети. Они любили ее...

– О, пожалуйста, – зарыдала Кнопочка. – Я больше не могу, перестань! Я больше... – плакала она, – больше... ни... никогда... не буду... есть куриц!

Так в Цветограде появились первые вегетарианцы – Барвинка и Кнопочка. Тогда они еще не знали, что они называются вегетарианцы. Кнопочка и Барвинка решили убеждать других малянок и малянцев перестать есть мясо. Чтобы больше не убивать животных.

– Давай каждая из нас пойдет и станет рассказывать другим, как это плохо – есть мясо, – предложила Барвинка.

– Для этого нам нужно основать общество, – сказала Кнопочка.

– Общество?

– Ну да. В него будем принимать тех, кто уже перестал есть мясо. А тех, кто еще не перестал, а только собирается перестать, будем принимать стажёрами.

– А кто такие стажёры?

– Стажёры – это те, кто еще пока только учится.

– Правильно, будем учить людишек, как можно обойтись без мяса.

– А как можно? – спросила Кнопочка.

– Знаешь, я пока и сама не знаю.

– А ты давно уже мясо не ешь?

– Уже три дня.

– Три дня?

Кнопочка задумалась. От залитой водой сковородки все еще пахло подгорелой яичницей. Кнопочка еще сегодня не завтракала. Она вдруг почувствовала, что проголодалась.

– Слушай, у тебя нет чего-нибудь пожевать? – спросила она. – Сделай мне какой-нибудь бутерброд с колбасой или, там, с сыром...

– Ты что, с ума сошла? С какой еще колбасой?

– С какой-нибудь. Лучше с копченой...

– Ты что, не понимаешь, что колбасу делают из убитых зверей?

– Ой, точно... я и забыла.

– Я тебе могу салат сделать. Из огурца и помидора.

– Ну давай, – вяло согласилась Кнопочка.

Барвинка стала готовить салат, но Кнопочка предложила сделать это самой. Она не могла смотреть, как Барвинка кромсает помидорный кружок.

– Нужно тоненько нарезать, аккуратно, чтобы сок не выливался – понятно? А то потом есть будет невкусно, – показывала Кнопочка.

Поев салата, они сели пить чай с печеньем.

– Знаешь что? – сказала Кнопочка.

– Что?

– Надо вначале узнать. Может, и нельзя совсем без мяса.

– Как это нельзя?

– Может, если долго не есть мяса, то умрешь.

Барвинка задумалась.

– Ты права, – сказала она наконец. – Это я, дура, не подумала. Прежде чем начинать убеждать людишек и общество открывать, нужно вначале узнать. Может, это и не возможно вовсе.

– Да. Тигры, например, едят одно мясо. Если их помидорами кормить, они сдохнут.

– Правда. И кошки тоже сдохнут. Они хоть и молоко пьют, а без мышей или птичек жить не могут.

– Но мы-то много всего разного едим, может быть, мы и можем...

– Придумала! Пошли к Шприцу, он нам точно скажет, он ведь врач.

– Пошли!

И подружки поспешили на Незабудковую улицу. Пока они шли, Кнопочка стала представлять себе мир без мяса. Можно будет есть больше овощей и фруктов. Всякие там каши – самые разнообразные. Гречневая, пшённая, перловая... картошка, макароны, рис. Подумаешь – мясо! Да есть молоко, творог, йогурты, вареники, пельмени... Тут Кнопочкины мысли загнулись. «Черт, – подумала она, – в пельменях мясо. Так и ошибиться можно. Надо список написать – что можно есть, а чего нельзя».

В это время они проходили мимо шашлычной, из которой так аппетитно пахло жарящейся бараниной, что у Кнопочки потекли слюнки. Она так и не наелась салатом, которым накормила ее Барвинка. Кнопочка машинально схватила подругу за руку, показывая на шашлычную.

– Ты права, мы добьемся того, что всех их закроют! – уверенно сказала Барвинка.

Они пошли дальше, мимо площади Путешественников, где недавно установили памятник Дирижаблю. На мраморном пьедестале стояла бронзовая гондола, в которой сидели статуи людишек. Рядом с гондолой возвышался огромный Всезнайка, держащий в руках стеклянный дирижабль, опутанный бронзовой сетью. Сеть была привязана к углам гондолы. Дирижабль и гондола были как настоящие, и людишки в гондоле – словно живые. Только Всезнайка получился раз в десять выше, чем все остальные, но так и было задумано скульптором Зубилой, которая этот памятник создала. «Дирижабль подняла сила ума», – гласила надпись на мраморном пьедестале.

Людишкам очень нравился памятник, а особенно удобно в нем было обедать, потому что в обеденное время в кафе на площади Путешественников не хватало столиков. А в бронзовой гондоле места было полно, да еще и громадный дирижабль в жару защищал от солнца, а в плохую погоду – от дождя. Вот и сейчас – кроме пятнадцати бронзовых путешественников, в гондоле сидело еще тридцать или сорок живых малянок и малянцев.

Цветоградцы любили эту площадь еще и потому, что на ней, кроме кафе и ресторанов, были установлены разные качели, качалки, карусель с лошадками, другая карусель с лодочками и небольшое чёртово колесо. Вкусно пообедав, можно было сесть на качели или на одну из каруселей и «получить огромное удовольствие», – как гласила рекламная надпись над аттракционами.

«Потом еще пирожные разные, мороженое, конфеты, – думала Кнопочка, глядя на карусели и на кружащихся людишек. – Шоколад, зефир, пастила. Козьи наки. Да мало ли? Столько разной еды существует на свете – до отвала можно наестся и без того, чтоб кого-то убивать».

А Барвинка ни о чем не думала. Яичница сгорела, и она так толком и не позавтракала. Третий день подряд Барвинка ела салат и третий день подряд не наедалась. Голод уже притупился, но и сама Барвинка словно отупела.

Глава третья с половиной. А возможно ли это?

Самой Барвинке было не под силу что-нибудь организовать. Зато у нее был талант идейного вдохновителя. Она могла кого хочешь вдохновить своей идеей. А действовать в нужную минуту умела ее подруга Кнопочка. По собственной инициативе она редко что-нибудь предпринимала, но когда нужно было, Барвинка всегда могла на нее нажать – и Кнопочка действовала безотказно.

– Слушай, Шприц, – сказала Кнопочка, едва они переступили порог дома на Незабудковой улице. – Может людишка одними овощами и фруктами питаться?

– Овощами и фруктами?

– Да, овощами и фруктами, – сказала Барвинка.

Доктор Шприц сдвинул на нос свое пенсне и посмотрел на обеих малянок.

– Вы интересуетесь правильным питанием?

Малянки переглянулись.

– Людишке прежде всего нужен крахмал. Потом жиры и углеводы. Витамины, белки, минералы.

– Белки и минералы? – растерянно переспросила Кнопочка. – А что это такое?

Шприц был очень рад, что малянки заинтересовались питанием.

– Пойдемте в гостиную, я вам все объясню, – сказал он. – Питание, голубушки, – это целая наука. Десятки ученых посвятили свою жизнь изучению проблемы правильного питания.

– А что, есть такая проблема?

– Еще как есть!

В гостиной Шприц подошел к висевшей на стене доске, на которой людишки писали, рисовали и вешали объявления. Шприц стер тряпкой все, что там было написано, и выбросил в мусорное ведро объявления. Потом взял мел и принялся рисовать.

– Это так называемая пирамида питания, – сказал он, нарисовав большой треугольник. – Открыл ее знаменитый малянец по имени... черт, забыл – но не важно. Пирамида питания позволяет нам понять, какие вещества людишкам нужно употреблять больше, а какие – меньше, и в каких продуктах эти вещества есть.

Барвинка и Кнопочка сели на стулья и стали слушать Шприца. Вскоре к ним присоединились маляницы, которые жили в этом доме: Всезнайка, повар Кастрюля, Натурик с Конкретиком и другие.

– У пирамиды четыре этажа, – рассказывал Шприц. – На первом этаже находятся продукты, содержащие так называемые «длинные углеводы». Эти продукты мы должны употреблять больше всего. Их нужно есть каждый раз, когда мы принимаем пищу. К ним относятся хлеб, макароны, каши. Второй этаж пирамиды включает продукты, содержащие белки...

По правде сказать, Барвинка ничего не понимала в этих белках и углеводах. Она в растерянности смотрела на Кнопочку, которая с интересом следила за доктором. Шприц все говорил и говорил, а художник Мальберт помогал ему и цветными мелками изображал на доске разные съестные вещи. Уже вся доска была изрисована жареными частями куриц, картофельным пюре с подливой, тарелками с рисом и макаронами, пиццей, салатами, хлебом, овощами и фруктами и разнообразными сладостями. Возле каждого блюда Шприц чертил химические формулы веществ, из которых оно состоит.

Закончил он свою лекцию словами: «Надеюсь, теперь вы поняли, как важно для людишки правильно питаться?»

Барвинка, которая чуть было не уснула, встрепенулась и подошла к Кнопочке:

– Ну давай! Ты в этом больше понимаешь, чем я. Спроси его!

– О чем?

– Ну как о чем? Мы сюда, вообще, зачем пришли? Чтобы про какие-то пирамиды слушать?

– Ах да, – вспомнила Кнопочка.

Она подошла к Шприцу.

– Доктор, – сказала она. – Ваша лекция нам очень понравилась. Это всё крайне интересно. Но не могли бы вы ответить на один простой вопрос? Можно ли людишке обойтись совсем без мяса?

– Обойтись без мяса? – переспросил Шприц.

– Да, без мяса. Например, есть картошку, кашу, сыр, овощи...

– А для чего это нужно? – удивился Шприц. – Чем разнообразнее диета каждого людишки, тем это лучше для его здоровья. Зачем же намеренно лишать себя каких-нибудь продуктов? Ну, я понимаю, если кто-то не любит редьку или свёклу. Можно, конечно, его и заставить есть свёклу... – Шприц улыбнулся. – Но если не заставлять, то свёклу можно заменить другими овощами. Например, репкой. А вместо редьки есть редиску, а уж кто совсем не любит редиску, может есть хрен...

– Фу, какая гадость! Бе! – сказал Конкретик.

– А можно чем-нибудь заменить мясо? – настаивала Кнопочка. – Ну вот, например, если сделать такой опыт и попробовать прожить без мяса целый год. Предположим, что людишка попадет на необитаемый остров, где не водятся никакие животные?

Шприц задумался. Он подошел к доске и стал на ней чертить разные формулы и писать названия химических веществ.

– А почему бы и нет? – сказал он наконец. – Не вижу серьезных препятствий. Нужно только следить, чтобы организм получал достаточное количество белков и жиров. Пить побольше молока, есть творог, сыр, яйца, кушать хлеб с маслом. Можно есть грибы. Особенно полезны орехи и еще фасоль...

– А это не вредно для здоровья – не есть мясо? – осторожно спросила Кнопочка.

– Нет, не думаю. Мясо вполне можно заменить.

– Ура! – сказала Барвинка. – Теперь можно открывать общество.

– Какое общество? – удивился ученый Всезнайка.

– Никакое. Пока это секрет. Скоро вы сами обо всем узнаете.

– Все же я не вижу причин, по которым нужно отказываться от мяса, – сказал доктор Шприц. – В нем очень много самых разных питательных веществ.

– Причина очень простая, – сказала Барвинка вполголоса. – Некоторые не хотят убивать животных.

И, взяв подругу под руку, она поспешила домой.

Глава четвертая. Философский вопрос

– Всё, теперь пора открывать общество, – схватила Кнопочку за рукав нетерпеливая Барвинка, едва они вышли на бульвар Васильков.

– Как же мы его назовем?

– Да неважно, как назовем. Потом придумаем. Самое главное сейчас на свою сторону хоть немного людишек привлечь.

– Ладно, давай привлекать.

– Только с кого начнем?

– Что-то дождь начинается, – заметила Кнопочка, доставая из сумки яркий салатовый зонтик.

У Барвинки тоже был зонтик, но он никак не раскрывался. А настроение у нее сегодня было такое, что она с размаху засунула его в бронзовую урну возле старинных ворот парка Кувшинок. Кнопочка достала из сумочки еще один зонтик – розовый в белый горошек и протянула подруге.

– Запасливая какая, – порадовалась Барвинка.

Они пошли под зонтами мимо длинного забора парка.

– Давай начнем с Кастрюли-повара! – предложила Кнопочка. – Он всех кормит и за еду отвечает. К тому же он добрый. Если Кастрюля станет вегетарианцем, он изо всех сил будет вегетарианскую пищу распространять – я уверена.

– Давай, – согласилась Барвинка.

Кастрюля был шеф-поваром одного из самых любимых малянками и малянками ресторанов в Цветограде. Этот ресторан назывался «Патиссон». «Патиссон» находился в самом центре, возле площади Свободы.

Погода портилась. Поднявшийся ветер нагнал откуда-то серых туч, и зарядил противный мелкий дождь, который – ясно было – собирается моросить целый день. Кастрюлю дождь приводил в уныние. Он грустно сидел у окна своего ресторана. Прижавшись носом к широкому стеклу, выходящему на проспект Пионов, Кастрюля смотрел на дождь. Ему даже есть не хотелось.

– Привет, Кастрюля, – поздоровались малянки.

Они отряхнули от воды свои цветные зонтики и поставили их в ведро у входа.

– Привет, – печально ответил повар.

– Что, грустно?

– Не весело. Не люблю я дождь.

– Ну, дождь – это ерунда. А вот некоторым сейчас намного грустнее, чем тебе.

– Это кому же, интересно? Напильнику, что ли?

– При чем тут Напильник?

– Ну как... может, у него механизм какой от дождя заржавел...

– Да какой еще механизм? Я тебе про несчастных животных толкую, – сказала Кнопочка.

– А что животным плохо? Сидят себе в своих норах. Они дождя не боятся.

– Да при чем тут дождь? – рассердилась Кнопочка.

– Подожди, – остановила ее Барвинка. – Хватит морочить ему голову.

– Кастрюля! – донеслось из кухни. – Котлеты жарить?

– Не надо пока! Посетителей мало, и они ничего не заказывают – какой может быть у людишек аппетит в такую погоду? Хотя нет, погоди! Будете котлетки? – обратился Кастрюля к малянкам. – Свиные, горяченькие, прямо сейчас со сковородки...

Кнопочка скорчила ужасную гримасу, а Барвинка сказала:

– Мы, Кастрюля, котлеты не едим. И тебе не советуем.

– Это почему?
– Потому что мы против убийства животных.
– Каких животных? – не понял Кастрюля.
– Свиной, из которых вы котлеты делаете.
– Свиной? – поразился повар. – А что, их убивают?
– А ты что думал? Что они мясо отдают, а сами живыми остаются?
– А, ты про это...
– Да-да, именно про это.
– Ну и что? – зевнул Кастрюля. – Они же ничего не понимают.
– А может понимают, ты-то откуда знаешь?
– Да что вы ко мне пристали? Не хотите котлеты – не ешьте, я разве против? Клиент всегда прав. Садитесь, я вам уху подам, у нас сегодня уха свежая.
– Уху можно? – потихоньку спросила Барвинку Кнопочка.
– Ты что? Уха же из рыбы!
– А да, правда. Мы уху не будем есть, – сказала Кнопочка Кастрюле. – Ее из рыбы делают.
– Ну и что?
– А то, что рыба хотела жить, а ее убили.
– Откуда вы знаете, чего она хотела? Вы ее что, спрашивали? Если б хотела, то не попала бы на крючок.

– Ее подло обманули, вот она на крючок и попала, – сказала Барвинка.
– Кто это ее обманул?
– А тот, кто ее поймал – рыбак. Он ей червяка подсунул. Она голодная была, есть хотела. Думала, что это червяк, а это оказался замаскированный крючок!

– Значит, она хотела съесть червяка? – уточнил Кастрюля.
– Хотела, да! А вы ее поймали, убили и сварили.
– Ну, значит, так ей и надо. А тебе червяка не жалко? Эти рыбы столько червяков едят!
В это время к спорящим подошел малянец по имени Герадокл. Он сидел за столиком возле входа и слышал разговор малянок с поваром Кастрюлей.

Герадокл был философом и историком и прочел множество древних книг. В них он почерпнул самые разные знания. В Цветограде Герадокл стал известен из-за своих странных идей, которые время от времени возникали у него в голове. Герадокл записывал их на бумажках и раздавал всем. Чаще всего это были идеи о том, как устроен мир.

Например, однажды Герадокл собрал своих друзей и объявил им, что понял, откуда взялись людишки.

– На заре времен, – сказал Герадокл, – когда Земля еще была голая и пустынная, на ней происходили разные сложные процессы. Что это за процессы – об этом спросите Всезнайку. Этим занимается наука. Я только скажу, что в результате появилось множество самых разнообразных форм.

– Ты имеешь в виду конусы и параллелепипеды? – спросили его людишки, но Герадокл сказал:

– Нет, это слишком простые формы. А тогда появились очень сложные формы. Они состояли из множества простых, соединенных между собой.

Людишки задумались. Герадокл подождал, чтобы дать им поразмышлять над его словами, и потом продолжал:

– Это были очень странные существа. Нам бы они показались нелепыми и ужасными. У них было по десять рук, и на каждой разное число пальцев – от одного до сотни. У них было по тринадцать ног, и некоторые из этих ног закручивались между собой.

Герадокл снова помолчал.

– Сейчас все малянцы и малянки одинаковые и имеют по две ноги, две руки и одной голове на плечах. А тогда появились существа с тремя головами. Вместо плеч у них торчала нога, а вместо колен шарообразные пальцы. Были и существа всего только с двумя кубическими головами и тремя руками. Были и такие, у которых вовсе не было головы, а была только одна нога в форме пирамиды и одна рука с двумя пальцами. Наконец, были и подобные нам: с одной головой, парой рук и ног.

Людишки раздумывали над тем, что сказал Герадокл. Каждый стал представлять себе этих странных и загадочных существ.

– Но это всё не важно, друзья, – помедлив, продолжал Герадокл. – Много чего странного и необычного появилось в то время. Главное то – что выжили только приспособленные.

– Как это? – не поняли все.

– А так. Разве могли передвигаться, добывать себе пищу, разводить огонь и вообще жить по-человечески существа с семью головами и восемнадцатью ногами? Конечно же нет! Поэтому все они погибли. Вымерли. А остались только те, у которых было две ноги, две руки с пятью пальцами на каждой и одна голова.

– Где же они теперь? – спросил Пустомеля, который совершенно случайно оказался среди слушателей. – Те, что остались?

– Я ждал этого вопроса, – сказал Герадокл. – Я знал, что обязательно найдется кто-нибудь, кто его задаст. Подойди к зеркалу, о любознательный людишка, и посмотри внимательно в него. Там ты найдешь ответ.

И Герадокл раздал слушателям бумажки, на которых было написано:

«ВЫЖИВАЮТ ПРИСПОСОБЛЕННЫЕ».

Герадокл любил сидеть в ресторанах и кафе. Он заказывал себе какую-нибудь еду, каждый раз разную и обязательно ярких цветов. Но Герадокл никогда заказанное кушанье не ел. Он сидел перед тарелкой и размышлял. Различные блюда – морковный салат с майонезом, фаршированный зеленый горошек, куриные отбивные в земляничном соусе – давали пищу его размышлениям. Герадокл подцеплял на вилку отбивную и долго смотрел, как с нее стекает подлива. Или строил из пюре замок и украшал его. Пушки он делал из сосисок, окна – из огуречных семечек, купол – из половинки горошины. Вокруг выкапывал ров, заполняя его майонезом. Потом Герадокл заливал замок гранатовым соком и смотрел, как красная жидкость течет по его стенам и просачивается в окна. «Это кара», – бормотал он.

Порой Герадокл просто лепил из еды разные бессмысленные формы. Посетители ресторанов, а также официанты не любили его за то, что он иногда вдруг брал еду прямо руками и начинал ее мять. Больше всего Герадоклу нравились соусы и подливы. Они текли, и съедобный натюрморт на тарелке менялся. Это соответствовало главной теории Герадокла – ТЕОРИИ ВСЕОБЩЕГО ТЕЧЕНИЯ. «Всё течет, всё изменяется», – любил повторять Герадокл. Глядя на его руки, чуть ли не по локоть вымазанные в кетчупе, некоторые людишки открыто возмущались. Но Герадокл всегда исправно платил за заказанные блюда, к тому же он оставлял щедрые чаевые, поэтому в ресторанах его терпели.

Сегодня историк был одним из немногих посетителей «Патиссона». На тарелке его, как обычно, высилась гора какой-то серой, бесформенной массы, политой чем-то красным. Спор малянок с Кастрюлей заинтересовал его.

Мимо ресторана проходила большая компания людишек. В это время дождь ливанул изо всех сил, и компания бросилась в «Патиссон».

– Входите, входите! – гостеприимно приглашал Кастрюля, придерживая дверь и принимая у новых посетителей зонты и мокрые куртки.

– Я слышал ваш разговор, – начал Герадокл, втискиваясь между Кнопочкой и Барвинкой, которые все еще стояли у входа.

– О чем идет речь? – спросил у Кастрюли кто-то из вошедших.

– Некоторые считают, что нельзя есть мясо. Потому что для этого надо убивать животных.

– Животных? – удивились все.

– Это интересно!

– Ерунда какая-то!

– И правда, жалко куриц!

– А как же мясо-то есть, если не убивать? Непонятно!

– Тема, которую вы затронули, составляет глубокую философскую проблему, – продолжал Герадокл, не замечая остальных и обращаясь к Барвинке с Кнопочкой.

– Какую же? – нетерпеливо спросила Барвинка.

– Мы питаемся рыбой, а рыба питается червяком. Съев одну рыбу, мы тем самым спасаем тысячу червяков, которых она могла бы съесть за свою оставшуюся жизнь, если бы не умерла.

Герадокл сделал паузу и многозначительно пошевелил пальцами рук, словно изображая спасшихся от зубов рыбы червяков.

– Только представьте себе эту тысячу счастливых червячков, безмятежно копошащихся в земле и радующихся жизни. Но не всё так просто! Червяк, в свою очередь, питается разными букашками. Спасая тысячу червяков, мы обрекаем на гибель миллион букашек, которых съедят эти червяки, и которых они бы не съели, если бы мы не съели рыбу. Представьте себе миллион несчастных букашек, обреченных на смерть!

– А чем питаются букашки? – спросил малянец по имени Гнобик, с размаха сняв куртку.

Тут все призадумались. Оказывается, этого никто не знал.

– Может, они питаются микробами? – робко предположила веснушчатая малянка Рябочка, с жиденьких рыжих косичек которой текла вода.

– Ну вот. Теперь нужно решать, можно или нет убивать микробов.

– Знаете что? – сказала Барвинка. – Мне нет никакого дела до того, кого едят рыбы или кого убивают червяки. Я лично не хочу никого убивать, вот поэтому я и не ем рыб. А то, что рыбы убивают червяков или не убивают – это пусть будет на их совести.

– Но у рыб же нет никакой совести! – слышалось из глубины зала.

Все повернулись в ту сторону и увидели малянца по имени Мормышкин, который преспокойно сидел за столиком и с удовольствием хлебал уху. Мормышкин был заядлым рыболовом.

– Я вчера весь день на речке провел. Ну хоть бы маленького карасика поймать! И главное – клёв-то есть. Но рыбы стали просто наглыми. Совести у них просто никакой! Всего червяка по кусочку обкусывает, а на крючок не попадает. Целую банку червей извел!

В ресторан входили новые малянцы и малянки. Повар Кастрюля лично рассаживал всех за столики. А Герадокл с Барвинкой и Кнопочкой все еще стояли у дверей. К ним подошел поэт Пёрышкин, который был завсегдаем «Патиссона».

– Послушайте! У меня родилась басня! – громко возвестил Пёрышкин.

– Какая еще басня? – возмутилась Барвинка. – При чем тут басня, мы обсуждаем серьезные вещи?

– А у него, может, серьезная басня, – возразил сидящий неподалеку художник Мальберт. Он набрасывал карандашом портреты людишек в своем маленьком альбомчике.

– Пусть читает! – закричали все.

Пёрышкин взобрался на стул и с достоинством откинул назад свою длинную челку, напоминавшую воробьиные перья. Подождав, когда вокруг стихнет, он откашлялся и звонко произнес название: «КРУГОВОРОТ СЧАСТЬЯ». И стал читать:

Букашка пообедала микробом.

Он пострадал, но счастлива букашка.

Букашку съел червяк – и с Богом!
Он рад, но бедная букашка...

Тут червяка настал черед, он стал едою.
И рыба счастлива вполне и весела.
Но мимолетно рыбе счастье под водою,
Ведь на крючке она тогда уже была.

Страданье рыбе – человеку благодать.
Как вкусно пообедал он ухой!
Но вот болезнь его свалила на кровать,
Стал человек микробовой едой.

Несчастлив человек, а радость у микроба...
Что заключить из басни этой нам под стать?
Чтоб сделать счастливым кого-нибудь другого,
Ты сам несчастным должен стать!

Басня так поразила присутствующих, что несколько секунд все молчали. Потом раздались дружные аплодисменты. Вылетела пробка из бутылки с безалкогольным шампанским.

– Ура! Bravo! – кричали все.

– Молодец, Пёрышкин! – кричал Гнобик. – Правильно всё понял! Хочешь быть счастливым – ешь рыбу! А хочешь других осчастливить – заболей, и дело с концом!

«Идиоты! – подумала Барвинка. – Ведь они всё прекрасно понимают, просто издеваются».

А Кнопочка вздохнула и сказала:

– Эх, ничего-то они не понимают.

До Барвинки наконец дошло, что тут у нее ничего не получилось. Кнопочка ведь так быстро с ней согласилась, что есть мясо – плохо, и сразу встала на ее сторону! А этим хоть бы что. Одна философия, а конкретных действий никто предпринимать не хочет. А как же – кому охота отказываться от вкусенькой еды? А животные-то страдают!

Но вслух она сказала:

– Пойдем отсюда, Кнопочка. Что с ними говорить? Они нас не понимают. Шутят, философствуют, стихи выдумывают...

– Подожди, Барвинка. Поешь хотя бы! – сказал Кастрюля. – Сегодня бесплатно, за счет заведения.

– Что это ты так расщедрился?

– Да посмотри, какую ты толпу здесь собрала!

Барвинка огляделась и увидела, что пока они спорили о мясе, в ресторан и правда набегала куча народу.

– Да это не я, а дождь.

– Ну нет – вон «Котлета» напротив пустая стоит, ни одного посетителя, а в соседнем «Чебуреке» один единственный малянец чебурек на вилку цепляет, – возразил художник Мальберт. – Людишкам приятно развлечься философией в дождливый день.

– Да дело тут вовсе не в философии! – набросилась на него Барвинка. – Пока ты правой рукой рисуешь а левой вот этот шашлык себе в рот заталкиваешь – на свете живые курицы и коровы гибнут.

Голодная Барвинка так разозлилась, что уже замахнулась и собиралась треснуть довольную физиономию художника прямо по лбу, но Кнопочка схватила ее за рукав:

– Давай пообедаем, – сказала она. – Я так проголодалась.

Барвинка колебалась.

– Пока поедем и подождем, что будет. Может, кто-нибудь и захочет нас поддержать. А если сейчас уйдем – то, значит, всё напрасно, – убеждала подруга.

Барвинка согласилась.

– Только смотри, – сказала она Кастрюле, – ты ведь понял, что мы не всякую еду едим.

– Конечно-конечно! – воскликнул Кастрюля. – Я знаю! Для вас – еда без убийств. Никакого мяса. И рыбы, – прибавил он. – Да я вас в отдельный зал отведу, он сейчас закрыт, там убирают. Специально для вас открою!

Глава четвертая с половиной. За обедом

Повар Кастрюля провел Барвинку и Кнопочку налево, туда, где веревочкой был отгорожен отдельный зал. Там две официантки, которых звали Вилочка и Салфеточка, сервировали столы. Главный зал ресторана был полон, и в нем уже не осталось свободных мест. В этом большом зале были красные обои с золотыми разводами, красные занавески на окнах и такие же красные скатерти на столах. Под потолком люстра из красного стекла с лампами-свечками. Даже тарелки и чашки на столах были красные.

А зал, куда Кастрюля повел малянок, был поменьше и весь оформлен в зеленых тонах. Зеленые обои, зеленые гардины, зеленые скатерти. Люстры здесь не было, зато на стенах висело множество зеленых светильников. И посуда здесь была тоже зеленая.

– Салфеточка, принеси гостям меню! – распорядился Кастрюля.

Бармен Пена приготовил свежие фруктовые соки – яблочный, апельсиновый и гранатовый. Их поставили на стол в хрустальных графинах.

– Что тут есть вегетарианского? – поинтересовалась Барвинка, открывая меню.

– Сейчас посмотрим! – сказал Кастрюля. – Так... кровавый ростбиф... не то. Печеночный... опять не то. А вот! Пицца с оливками, грибами и анчоусом. Вареники с икрой. Никакого мяса!

– А что такое анчоус? – поинтересовалась Барвинка.

– А это такая... ой...

– Что?

– Ну... можно без анчоуса.

– А-аа, это мясо?!

– Нет, это рыба такая.

– В общем так, никаких анчоусов!

– Сейчас всё сделаем! – сказал Кастрюля и побежал на кухню.

Повар Кастрюля очень не любил скандалов, а, зная характер Барвинки, он опасался, что может разразиться скандал. Поэтому он отвел ее и Кнопочку в отдельный зал и никого больше туда не пустил, хотя главный зал был полон и уже несколько посетителей ждало в очереди на улице. Кастрюля понимал, что если сидящие рядом людишки станут заказывать мясо, Барвинка рассердится и может случиться неприятное. А если Барвинка выйдет из себя, то она не остановится, пока не перебьет всю посуду и не выгонит всех клиентов на улицу. Как один раз уже случилось в закусочной «Котлета» напротив. Там по ошибке приготовили котлеты из хлебного фарша, забыв добавить в него говяжий. Котлеты, кстати, вышли вкусные, но Барвинка не потерпела такой несправедливости – в меню-то написано, что они говяжьи. Сама Барвинка уже успела забыть про тот случай.

– Боже, какая вкуснятина! – воскликнула Кнопочка, вонзив зубы в восхитительно пахнущую горячим сыром пиццу. – Да я ее сейчас расцелую, – сказала она и принялась целовать пиццу.

– Ты что, больная? – спросила Барвинка.

– Нет, просто голодная.

– Надо уметь держать себя в руках.

Барвинка ела неторопливо и с достоинством, терпеливо отрезая от пиццы маленькие, ровные квадратики.

– Как у тебя получается ее резать? – с набитым ртом спрашивала Кнопочка, глодавшая круглую пиццу целиком.

– Терпение надо иметь. Ты будто с голодного края.

– Так с утра же ничего не ела!

– Ну и что? Я уже три дня почти ничего не ем и все равно веду себя, как человек.

Съев пиццу, а потом салат из помидора, вареной картофелины, фасоли и тыквенных семечек, подруги закусили макаронами, уложенными в форме квадратного колодца. На краю этого колодца сидела вырезанная из огуречной мякоти лягушка. Она была зеленая и вообще как живая. Барвинка пробовала протестовать, но во-первых, она уже так наелась, что не было сил, а во-вторых, Кнопочка сказала, что это же не настоящая лягушка, а только скульптура, поэтому ничего страшного. Барвинка махнула рукой, а Кнопочка вытащила у лягушки глаза, сделанные из маковых головок, и съела.

Кнопочка любила мак. Принесли еще вареники – в каждый была закатана красная икринка лосося. После макарон с лягушкой и вареников малянки попросили меню десертов.

С восьми часов вечера в ресторане была «живая музыка». В Красном зале музыканты заиграли только что сочиненное «Вегетарианское танго»:

Страдают куры. И стонут свиньи.
Животных души пожалеть бы впору мне...
А я мерзавец. Влюблен в котлету.
И за нее душа моя сгорит в огне!

Но Зеленый зал отделялся от красного плотной бархатной портьерой, поэтому танго звучало приглушенно и слов нельзя было разобрать.

– Какая красивая музыка! – сказала Кнопочка – Хоть бы кто потанцевать пригласил.

– Вот еще, – фыркнула Барвинка. – Очень мне нужно, чтобы меня приглашали.

– Ты разве не любишь танцевать? – удивилась Кнопочка.

– Что за радость прижиматься к какому-нибудь невоспитанному малянцу, чтобы он хватал тебя своими руками?

– Ну почему же? Есть очень даже воспитанные, и вовсе не хватают, а ласково берут...

Кнопочка выела ягоду земляники изнутри ложечкой, так что получилась чашка, в которую она налила себе персиковый сок. Кнопочка всегда так делала.

– А почему сюда никого не пускают? – поинтересовалась она, когда повар Кастрюля в очередной раз подошел спросить, всё ли в порядке.

– Да, действительно, – сказала Барвинка. – Я вижу, народ на улице ждет, а мы тут одни целый зал занимаем. Это несправедливо! – И в ее больших глазах загорелся опасный огонь справедливости.

– Ах, что вы! – засуетился Кастрюля. – Да я... да дело в том...

Тут его осенило.

– Дело в том, что это у нас вегетарианский зал, понимаете? В нем подают только вегетарианскую еду.

– Неужели?

– Да-да. Видите, он и цветом отличается. Тут у нас всё зеленое, что обозначает овощи и фрукты. А там всё красное – это мясо.

– Действительно, я раньше не обратила внимания.

– Так что же, неужели никто не хочет посетить вегетарианский зал? – полюбопытствовала Кнопочка.

– Знаете, мы этого пока не объявляли... потому что этот зал только подготавливался... но мы сейчас объявим! – сказал Кастрюля.

Он вышел в главный зал и подошел ко входу в ресторан. Музыка смолкла.

– Уважаемые посетители и ожидающие! – объявил Кастрюля. – Прошу минуточку внимания! В нашем ресторане, в качестве эксперимента, открылся вегетарианский зал. Там подаются блюда, в которых нет мяса.

– А что это за блюда такие? – спросил кто-то.

– Например, картошка или макароны, – сказал Кастрюля.

– Да как же можно есть пустые макароны без колбасы, а картошку без котлет?

– И зачем вообще зал такой? – возмутились в очереди. – Стоишь тут на улице, под дождем, а там, видите ли, целый зал пустует!

– Отдельный зал нужен потому, что вегетарианцев смущает мясная пища, – пояснил Кастрюля. – Они против убийства животных и не могут есть мясо. А тут пахнет мясом, вот мы и решили сделать для них отдельный зал. Может быть, кто-нибудь все-таки хочет попробовать пообедать в Зеленом зале? У нас есть вкусные блюда без мяса. Например, пицца, макароны с сыром, греческий салат...

– А, что там! – крикнули из очереди. – Мы согласны, хоть в зеленый, хоть в фиолетовый! Есть охота страшно, а у тебя, Кастрюля, самая вкусная еда в городе. Давай, что ли, пиццу с макаронами!

И людишки двинулись в вегетарианский зал.

– А я из принципа не пойду в этот Зеленый зал! – топнула ножкой малянка с пышными черными волосами и глазами цвета морской волны. И платье на ней было тоже цвета морской волны, короткое, с блестками. – Я хочу есть то, что хочу! – сердито сказала она, сверкнув на Кастрюлю глазами. – Что за дискриминация?

– Не сердитесь, я уступлю вам место, – сказал поэт Пёрышкин, вставая из-за своего столика. – Я тут просто стихи сочиняю и все равно пью зеленый чай с пирожным, а это всё вегетарианское, я и в зеленом зале могу...

Это Пёрышкин сказал, не поднимая головы от своей исписанной тетради. Но, встретившись глазами со сверкающим взглядом этих зеленых глаз, он тут же сочинил стихи, которые потом стали распевать на музыку музыканта Рояля загулявшие за полночь людишки:

Глаза зеленые,
А руки белые.
В коротком платье
Ты как магнит.

Тебя увидел я
И как безумный
Бежал из дома
И стал бандит.

Малянка села на предложенное ей место и заказала бараний эскалоп. Пёрышкин ушел в Зеленый зал и оттуда украдкой поглядывал на малянку. Вообще-то, за тем столиком было два стула, и поэт мог вполне остаться сидеть рядом, но почему-то не сделал этого. «Как же я мог остаться, если я уже сказал, что уступлю ей свое место? Это как-то не логично», – отвечал он, когда сам себя спрашивал, чего ради нужно было переходить в другой зал. Пёрышкин сидел и кусал карандаш. Он так и не решился к ней подойти и заговорить. А когда поэт через несколько дней увидел, как она на улице громко смеется шуткам какого-то малянца, державшего ее за руку, Пёрышкину стало обидно, и он зачем-то написал еще один куплет – странный и никому не понятный:

Ты хохотала.
На каблуках стояла.
А я разбитый.
Полуживой.

Лежал на травке.
И две козявки,
Держась за крылышки, дрались между собой.

Вскоре Зеленый зал был уже полон. Повар Кастрюля распорядился повесить у входа вывеску, на которой Мальберт, вытащив из кармана масляные краски, тут же нарисовал аппетитный натюрморт из фруктов и овощей и надписал красивыми буквами: «Зеленый зал. Вегетарианская кухня». Правда, в углу дощечки кто-то все же успел подрисовать карандашом козла, подозрительно косящегося на овощи.

Глава пятая. В этом что-то есть

После лекции Шприца о пирамиде питания Всезнайка слышал, как уже в дверях Барвинка тихо сказала: «Некоторые не хотят убивать животных». Нет, Всезнайка не превратился в ту же секунду в вегетарианца. Во-первых, он любил жарить шашлыки. И даже не столько для того, чтобы их потом есть, а просто ему, как говорится, нравился сам процесс. Если людишки собирались где-нибудь на природе выпить безалкогольного вина и закусить жареным мясом, Всезнайка всегда брался за его приготовление. Устанавливал мангал, собирал тонкие палочки и разжигал угли. Потом махал картоночкой, чтобы они как следует разгорелись. После того как решетка прокалится над огнем, Всезнайка накалывал на вилку кусок луковки и протирал решетку луковым соком, чтобы не прилипло мясо. Когда жар от углей становился хорош, Всезнайка заливал водой лишний огонь, чтобы мясо не подгорало. Повар Кастрюля подавал ему шампуры с наколотыми и замаринованными кусочками мяса. Всезнайка клал их на решетку. Потом переворачивал и следил, чтобы не подгорели.

Всезнайке всё это дело очень нравилось, и особенно как жарящийся шашлычок пахнет. Да еще когда ты голодный, запахи так тонко чувствуются – ученому иногда казалось, будто он музыку слушает. В общем, Всезнайка очень любил жарить шашлыки. А кроме этого, Всезнайка просто не любил менять свои привычки. А он привык есть мясо – да и всё!

Но слова Барвинки поразили ученого. «Как же это я раньше не обращал внимание на то, что мы так нецивилизованно поступаем с животными? – раздумывал он, сидя за столом в своем кабинете и просматривая кулинарную энциклопедию повара Кастрюли. – В век науки и техники мы вынуждены, как какие-то дикари, резать свиней и щипать кур? Нет, должен быть другой способ!»

Всезнайка пересел за другой стол, на котором у него стоял компьютер, и зашел на поисковый сайт – узнать, что другие пользователи Интернета думают на этот счет. К тому времени в Цветограде уже был Интернет. Правда, пока только у Всезнайки в кабинете. Провели его, понятное дело, специалисты из Солнцеграда, который в техническом плане был намного более развит, чем Цветоград. Теперь, для того чтобы найти какую-нибудь книгу или научную статью, Всезнайке не надо было бегать по библиотекам или писать письмо и ждать, пока книгу пришлют по почте. Всё можно было найти в Интернете.

Глава шестая. Как назвать?

– Первый раз за эти три дня нормально поела, – призналась Барвинка, когда они вышли под все еще моросящий дождь. – Так объелась, что даже холода не чувствую.

– Да уж. Теперь я вижу, что и правда можно обойтись без мяса.

– Легко.

Но в глубине души или, скорее, в глубине желудка, Кнопочка чувствовала, что как будто чего-то не хватает. Но она постаралась об этом не думать и сказала:

– Все-таки нужно нам всё это организовать. Иначе бардак будет.

– Я согласна, – отозвалась Барвинка. – А как?

– Во-первых, надо название придумать.

– Название чего?

– Название нашего движения. Или общества, которое мы собираемся открывать.

– Так лень придумывать, – зевнула Барвинка, потягиваясь.

– Ну здрасьте! Сама всю кашу заварила – и в кусты.

– Нет, что ты? Извини, это я просто сегодня не выпалась.

Барвинка запрокинула голову и стала энергично растирать по лицу дождевые капли. Потом несколько раз потрянула головой.

– Ух! – выдохнула она. – Ну всё, я готова. Готова!

– Вот и хорошо. Будем теперь название придумывать.

Уже совсем стемнело. Под фонарями клубилась водяная пыль. Малянки шли вдоль длинного забора парка Кувшинок.

– Можно что-нибудь типа «Общества вегетарианцев Цветограда», – предложила Кнопочка.

– Звучит как-то кисло. А, может, лучше «Дайте им жить»? – предложила Барвинка.

– Кому им?

– Ну кому, кому – животным, конечно! Вегетарианское общество «Дайте им жить». Можно даже сокращенно, по первым буквам: ДИЖ.

Кнопочка остановилась и, прислонившись лбом к чугунной решетке, вглядывалась в темноту парка.

– Нет, это тоже не звучит, – сказала она наконец.

– Ну, тогда ты предложи.

– Дайзвежить!

– Это что еще?

– Ну... «Дайте зверям жить», сокращенно «Дайзвежить».

– Как-то длинно – язык сломаешь. Может, лучше сократить до ДЗЖ?

– Ну это как-то совсем уж. Что это такое? ДЗЖ...

Подруги задумались.

– Если «Дайзвежить» длинно, то пусть будет «Дайзвеж», – предложила Кнопочка. – А можно еще «Дайжиж».

– А «Дайжиж» это что?

– Это «Дайте животным жить».

– Ой-й, занудство какое-то! – зевнула Барвинка. – Давай, что ли, сядем?

– Мокро!

– У тебя же наверняка клеенка есть, я знаю!

– Ну... вообще-то, есть.

Через старинные бронзовые ворота они вошли в парк. Запасливая Кнопочка вынула из сумки клеенку, и подруги сели на скамейку под высоким кустом шиповника. Дождь был мел-

кий и редкий. Барвинка мочила под дождем ладони, потом поднимала футболку и прикладывала их к надувшемуся, как барабан, животу.

– Хорошо здесь. Тихо так. Уютно...

– Под дождем, что ли, уютно? – удивилась Кнопочка.

– Ага.

Барвинка откинулась назад, сладко потянулась и зажмурила глаза, подставив лицо дождевым каплям.

– Век бы тут сидела.

– Не холодно, что ли? – поежилась Кнопочка. – Я бы домой...

– Ой, совсем нет! От еды тепло так. Я как печка...

– Ну что, про вегетарианство забыли совсем?

– Правда, что-то из головы вылетело.

– Может, всё? Надоело?

– Как надоело?

– Может, поставим на нем крест? – поддразнила подругу Кнопочка.

– Я те дам крест. На чем мы там остановились?

– На названии.

– Ах, на названии...

По мраморной скульптуре «Людишки и рыба» текла вода. Припаркованный у ворот автомобиль был укрыт насквозь промокшим кленовым листом.

– Всё! – Кнопочка встала. – Можешь мокнуть тут до победного конца и превратиться в русалку, вон как та, – она кивнула на статую в фонтане. – Я домой.

– Ну, пошли...

Миновав скучный переулок Ирисов, малянки повернули на улицу Ромашек. Здесь уже встречались прохожие. Барвинка поскользнулась и чуть не грохнулась в лужу.

– Осторожней! – буркнул проходивший мимо малянец в сиреневой шляпе.

– Спасибо, что посоветовали! – крикнула ему вдогонку Кнопочка.

По улице Ромашек ползли улитки. Для маленьких людишек улитка размером, наверно, с барана. Их было много – целое стадо, но, в отличие от баранов, они были такие медленные! Все в домиках...

– Вот, – кивнула на улиток Барвинка. – Каждая сидит в своей скорлупе.

Чтобы обогнать медленно тащившихся животных, малянки сошли с тротуара на проезжую часть. Пройдя колонну улиток, подруги увидели, что самая первая из них оставила свой домик и ползла без него, сама по себе.

– Каким нужно быть бесстыжим, чтобы есть этих беспомощных существ! – воскликнула Барвинка.

А надо сказать, что людишки как раз-таки и охотились на таких храбрых, как эта. Выковырять улитку из ее домика, когда она закрыла за собой дверь, маленьким людишкам не под силу.

А запихнуть вот такую, оставившую свою раковину и беззащитную, в мешок и отнести в ресторан, где их подают под чесночным соусом – легче лёгкого.

– Даже обидно! – сердито сказала Барвинка. – Зачем она ползет без домика? Это же опасно!

– Если нападет какой-нибудь враг, он прежде всего накинется на нее, как на самую беззащитную, – объяснила Кнопочка. – А она пока даст сигнал остальным. Тогда те успеют спрятаться в домики и плотно закрыть за собой дверцы.

– Значит, она жертвует собой ради других, – сказала Барвинка.

– Какая она все-таки самоотверженная, – вздохнула Кнопочка.

И они пошли дальше, оглядываясь на бесстрашную предводительницу улиток, которая жертвовала жизнью ради своих товаров.

– Скажи, если б ты была улиткой... ты бы смогла вылезти из своего домика?

– спросила Кнопочка.

– Конечно, – не задумываясь ответила Барвинка. – Ведь это нужно для других!

– А я бы, наверное, не смогла.

Издали донесся слабый гром.

– Гроза идет, – заметила Барвинка, поглядев на темное небо.

– Знаешь, пусть будет «Зверям – жить», – предложила Кнопочка.

– Каким зверям? – не поняла Барвинка.

– Да таким! Всем! Общество вегетарианцев под названием «Зверям – жить», сокращенно ЗВЕЖ!

– ЗВЕЖ?

– Или ЗВЕРЖ...

– А как же рыбы? Они-то не звери, – зевнула Барвинка. – Почему-то, как только речь заходила о названии общества, она начинала зевать.

– Правильно. Я как-то не подумала, – сказала Кнопочка. – Рыбы не звери. Что же с рыбами делать? Есть их, что ли?

– Ты что, с ума сошла?

– Шутка!

– Я тебе пошучу!

Барвинка погрозила подруге кулаком.

– А черепахи – тоже не звери.

– И крокодилы.

– Это почему же крокодилы – не звери?

– А почему черепахи?

– А не знаю.

– Вот и я не знаю.

– Да крокодилов вообще кто ест-то? Они сами кого хочешь съедят.

– Крокодилы-то ладно, – вздохнула Барвинка. – Но вот птицы – они точно не звери, а их мы как раз больше всего и едим. Куриц, гусей... А как насчет ЖЖ?

– А что ЖЖ?

– Жизнь животным – ЖЖ, коротко и ясно.

– А знаешь, по-моему ничего.

– Ты так думаешь? – сама вдруг засомневалась Барвинка.

– Тут еще дело в привычке. Вначале каждому будет казаться, что ЖЖ – это что-то странное. Но когда он скажет пару раз: «ЖЖ, ЖЖ, ЖЖ», – то привыкнет, и всё будет о'кей.

– Что-то я не уверена.

– А ты сама попробуй. Поупражняйся.

Глава седьмая. Новая вегетарианка

Они вышли на ярко-освещенный проспект Пионов, по дороге упражнясь и повторяя: «ЖЖ, ЖЖ, ЖЖ, ЖЖ-ЖЖ-ЖЖ!»

– Что это вы жужжите? – остановила их малянка настолько странного вида, что Барвинка отшатнулась.

Чтобы дубленое пальто было таким драным и чтобы из дыр торчало столько ваты – такого Барвинка еще не видывала. Но пальто бы еще ладно. Малянка была вся какая-то кривобокая. Грудь наискосок, правый бок намного толще левого – уж не пришита ли у нее под пальто подушка? – мелькнуло в голове у Барвинки. Но зачем? Один рукав длиннее другого, на плече – дыра, из которой торчит голое тело. Шеи нет – какой-то шар на ножках. Впрочем, может, это только так кажется из-за высокого, свернутого валиком воротника, искусственный мех на котором облез, и из-под него торчит поролон, как из драного матраса. А сапоги – бог ты мой! – правый так просит манной каши, что, кажется, вот-вот умрет от голода, а левый – непарный и вместо молнии застегнут на булавку. На голове – грязный платок...

А надо сказать, что в то время в Цветограде бомжей еще не было, и Барвинка к такому зрелищу была непривычная. Но удивило ее и то, что, несмотря на дыры и пятна, от малянки нежно пахло какими-то замечательными духами – не то фиалкой, не то лавандой. И голос у нее был тоже удивительный – звонкий такой – и раздавался как будто прямо из груди, словно внутри у нее была скрипка.

– Боже, кто это? – прошептала Барвинка, отшатнувшись.

– Не пугайся! Это моя подруга, – успокоила Кнопочка.

– Подруга?!

– Да, подруга. Она вообще иностранка – не так давно в Цветоград приехала. Из Мерюкряка.

Но Барвинка уже и так пришла в себя. Это она просто от неожиданности испугалась. Она считала, что нельзя по внешнему виду людишек судить, и очень этим гордилась.

– Барвинка, – протянула Барвинка руку странной малянке.

– Бабаяга, – застенчиво поздоровалась малянка, по обычаю мерюкрякцев пожимая протянутую руку под мышкой.

Барвинка едва не отдернула руку, так как под рваной мышкой дубленки оказалось голое тело.

– Баба кто? – растерянно переспросила она.

– Бабаяга, – ответила за нее Кнопочка. – Тебя чем-то не устраивает это имя?

– Нет-нет, что ты! Бабаяга – так Бабаяга. Мало ли какие имена бывают в других странах! Наверное, оно распространено в Мерюкряке?

Малянка вдруг ужасно засмушалась.

– Да, вообще-то нет... – покраснев, пробормотала она.

А надо сказать, что Бабаяга всегда сильно смущалась, если ей приходилось разговаривать с кем-нибудь незнакомым. Когда узнает людишку поближе – совсем другое дело, она становилась бойкая и разговорчивая. А тут, в Цветограде, ей еще было стыдно, что она как следует языка не знает. Хотя на самом-то деле она на нем говорила не так уж плохо...

– Здорово, что мы тебя встретили! – обняла Бабаягу Кнопочка. – Пойдемте скорее домой... то есть, к Барвинке, и всё обсудим.

Барвинка вопросительно уставилась на подругу.

– Она тоже вегетарианка, – сказала Кнопочка.

– Как? – поразила Барвинка.

– В Мерюкряке это обычное дело. Там много вегетарианцев живет.

– А что мы будем обсуждать? – заинтересовалась Бабаяга, взяв Кнопочку под руку – не со стороны дороги, где шла Барвинка, а с другой, потому что очень стеснялась незнакомую малянку.

– Мы будем обсуждать вегетарианство, – сказала Кнопочка.

– Интересно! А зачем его обсуждать?

– Мы хотим открыть людишкам глаза.

Надо сказать, что в иностранке сочетались стеснительность и страшное любопытство. Ей всё было интересно, но она боялась спросить. И еще боялась, что у нее на улице кто-нибудь что-нибудь спросит, а она не поймет. Что ей тогда делать?

Из-за своей стеснительности Бабаяга днем на улицу почти не выходила. Только в крайнем случае шла в магазин – если есть совсем нечего. Тогда она одевалась как-нибудь совсем ужасно, пачкала гуталином лицо, спутывала волосы. Чтобы своей красотой не привлекать внимания. Те, кто читал книгу «Приключения Никтошки», наверное, помнят, что Бабаяга была поразительная красавица.

Зато ночью всего этого было не нужно. Потому что на улице никого нет, да и вообще темно. Можно ходить чистой и в нормальной одежде. Бабаяга любила гулять по ночам и нюхать цветы. Когда никого нет. Выходила из дома глухой ночью, часа в два. «Сегодня пойду на улицу Барбарисов, – говорила себе малянка. – Надо узнать, как они пахнут».

И она шла на улицу Барбарисов, а по дороге проходила по улице Гиацинтов и с удивлением вдыхала их странный запах. В Мерюкряке гиацинты не росли. А Бабаяга любила нюхать цветы вот почему. Дело в том, что в Мерюкряке цветы вообще не пахнут. Мерюкряк в Мерюкряндии, а Мерюкряндия – страна южная и очень жаркая. Летом там температура тридцать, а то и все сорок градусов. Когда так жарко, нектар цветов очень быстро испаряется, и у них не остается никакого аромата. А тут, в Цветограде, столько цветочных запахов! Но зато в Мерюкряке пахнет морем...

Бабаяге всё было любопытно. Она носила с собой бинокль, чтобы если встретится ей что-нибудь интересное, получше рассмотреть. Она ужасно любила заглядывать людишкам в окна. Правда, в два часа ночи мало шансов, что кто-нибудь не спит, но многие людишки боятся темноты и оставляют свет на ночь. Малянка смотрела в окна – ей было интересно всё: у кого какая мебель, какие на стенах картины, какая на спинке стула висит одежда, как спят людишки: аккуратно на боку, подложив ладони под щеку, или свернувшись калачиком и укрывшись почти с головой – один нос торчит, или взбаламутив всю кровать и расшвыряв в разные стороны подушку с одеялом...

Если понаблюдать за спящим людишкой, можно иногда понять, что ему снится. Когда беспокойно ворочается с боку на бок, зажмуривает изо всех сил глаза или отмахивается рукой, словно от мухи, – значит, приснилось что-то страшное. А если сладко улыбается во сне и причмокивает губами – то что-нибудь вкусное. Наверно, вспоминает свой день рождения, на кото-

рый ему подарили шоколадный торт. Чтобы лучше видеть, Бабаяга становилась на скамейку или даже взбиралась на забор – и, приставив к глазам бинокль, смотрела.

За этим неприличным занятием – а в Цветограде подглядывать в окна считается неприличным – ее однажды застал астроном Звёздин, наблюдавший со своего балкона планеты. Астроном проворно оделся и выбежал на улицу.

– Это еще что такое? – грозно спросил он, хватая малянку за локоть.

Бабаяга обернулась и громко вскрикнула. Выронив бинокль, она убежала, и Звёздину не удалось ее догнать. Впрочем, он и не пытался. Увидев, какая она прекрасная, астроном остановился как вкопанный. Малянка бежала так быстро, что в полумраке Лавандового переулка ее длинные волосы казались маленьким светлым облачком. «Наверное, ее зовут Андромеда», – подумал Звёздин. Он поднялся к себе и навел подзорную трубу на кусочек неба, который не наблюдал давным-давно, с самой осени, а вот теперь почему-то вспомнил. В созвездии Андромеды, чуть выше красной звездочки Мирах, Звёздин заметил вытянутое туманное пятнышко, которое он раньше никогда не видел. «Пусть это будет туманность Андромеды», – решил он.

– Нет, все-таки ЖЖ не подходит, – сказала вдруг Барвинка, остановившись посреди улицы.

– Вот те раз! – огорчилась Кнопочка. – Придумывали-придумывали – и теперь всё давай сначала.

– Тем более, что ЖЖ мне что-то напоминает, только не могу вспомнить что...

Бабаяга не понимала, о чем они говорят, а спросить стеснялась. Но все-таки ей было ужасно любопытно.

– Знаешь, – задумчиво проговорила Барвинка, снова обращаясь к Кнопочке.

– А ЗВЕРЖ-то больше всего подходит.

– Но как же... это ведь «Зверям жить». А птицы – не звери.

– Ну и что? Зато название зажигательное!

– ЗВЕРЖ?

– ЗВЕРЖ! Главное – идея. А звери они или не звери – это никого не интересует.

– Ну, ЗВЕРЖ – так пусть будет ЗВЕРЖ, – согласилась Кнопочка.

Она была рада, что Барвинке понравилось название, которое предложила она, Кнопочка. А Барвинка – прямо сияла. Ей нравились красивые, законченные идеи. Зверям – жить! ЗВЕРЖ. Коротко – и ясно.

– Ты будешь секретарь, – сказала она Кнопочке. – Секретарь ЗВЕРЖа! Звучит?

– Ого! Еще как звучит, – обрадовалась Кнопочка. – А ты кто будешь?

– А я? – Барвинка на секунду задумалась. – А я – председатель, конечно! Председатель ЗВЕРЖа! Каково?

– Здорово!

Только Кнопочке было неудобно, что они разговаривают между собой, ничего не объясняя Бабаяге. А Барвинка сказала:

– Ну вот. А то ЖЖ какое-то непонятное. Да оно больше не для зверей, а для насекомых подходит!

– Почему?

– Потому что они жужжат! А в песне что поется? Как вы яхту назовете – так она и поплывет!

– Точно! Наш ЗВЕРЖ еще как поплывет! – сказала Кнопочка. – По-зверски! Пусть только попробуют не перестать есть мясо! ЗВЕРЖ им задаст!

Барвинка огляделась по сторонам. Подняла лицо к мокрому небу и потянулась. Они пошли дальше, а Бабаяга из этого разговора так ничего и не поняла, а спросить стеснялась. «Да и зачем я буду спрашивать? – думала она про себя. – Они же между собой говорят – это их личное дело». Она не хотела показаться навязчивой.

Малянки подошли к дому. Завидев стадо котов, которые, несмотря на дождь, дежурили возле Барвинкиной двери, Бабаяга вцепилась в плащ Кнопочки.

– Не бойся, они не кусаются.

– Конечно... – тряслась бедная иностранка. – Зачем им откусить... они меня целую прологотят.

Надо сказать, что Бабаяга разговаривала с сильным мерюкрякским акцентом. А в мерюкрякском языке буквы в словах часто идут в другом порядке. Но Кнопочка давно привыкла к выговору подруги и не обращала на него внимания.

– В Мерюкряке что – разве нет котов? – спросила она.

– Есть...

– Чего же ты тогда их боишься?

– У нас они только в зоопарке. На улице нет...

– Ну, проходите, проходите, – пригласила Барвинка и, растолкав котов, пропустила малянок в прихожую. – Да не вы проходите! – крикнула она котам. – Вам я сметану вынесу, ждите!

Бабаяга и Кнопочка проскользнули в дом.

– Раздевайтесь, а я пока чего-нибудь налью. – Тебе какао или чай? – спросила Барвинка иностранку. И взяла у нее сумки с продуктами, чтобы поставить в холодильник. Бабаяга-то, когда их встретила, возвращалась из магазина.

– Мне, пожалуйста, простое молоко, – попросила Бабаяга.

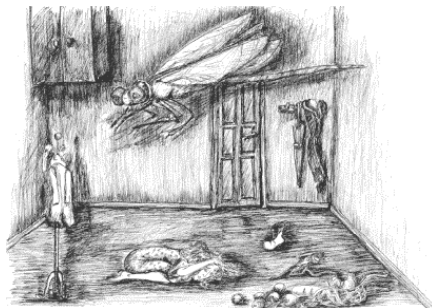
– А мне чай, – сказала Кнопочка.

– Тебе-то я знаю, – сказала Барвинка, – ты всегда одно и то же пьешь, – и, сняв сапоги, пошла на кухню.

В это время из открытой двери гостиной вылетела огромная стрекоза. Она прорезала воздух над головами малянок, словно самолет, и уселась на вешалку, вцепившись лапками в зимние шапки. Ее сетчатые крылья покачивались, а зеленые шары глаз глядели с таким удивлением, что Кнопочке стало смешно.

А Бабаяга вскрикнула и в ужасе легла на ковер, прикрыв голову руками.

– Не бойся, она совсем ручная, – сказала Кнопочка. – Ты бы свою стрекозу в клетку загнала, что ли! – крикнула она Барвинке.

– Боюсь, – сказала Бабаяга.

Кнопочка взяла стрекозу за ошейник, отцепила от шляп и отнесла в клетку в гостиной. Тогда только иностранка решилась встать с пола.

– Она совсем безобидная, – заверила Кнопочка, вернувшись в прихожую, и стала снимать пальто.

Бабаяга тоже начала раздеваться. Она специально оделась в свой уродующий «наряд», чтобы сходить в магазин. С правой стороны под пальто у нее, и правда, была пришита подушка. Когда она смотала с головы рваный платок, оказалось, что лицо у нее не вымазано гуталином, а прическа вполне нормальная.

– Я подумала... все равно почти зима, холодно. Зачем пакчаться, если можно в платке замотаться – никто и не узнает? – пояснила Бабаяга.

– Здорово придумала, – сказала Кнопочка. – Но, как мне кажется, с пальто ты слегка переборщила.

Под ужасной дубленкой Бабаяга оказалась вполне прилично одетой. Правда, платье на ней было совсем летнее, но дома у Барвинки было тепло. Входя в гостиную с подносом, на котором стояли чашки и вазочка с печеньем, Барвинка остановилась на пороге. Надо сказать, что Барвинка терпеть не могла красоток. Саму себя она никогда красавицей не считала и словно нарочно одевалась во что попало, волосы стригла в какой попало парикмахерской, а косметикой сроду не пользовалась. У нее даже губной помады дома не было. Малянок, старавшихся выглядеть красивыми, Барвинка презирала.

Но увидев Бабаягу, когда та сняла свою безобразную шубу и рваный платок, Барвинка не удержалась от восклицания:

– Какая же красивая!

И сразу же разозлилась на себя, что так сказала. И почувствовала неприязнь к этой иностранной малянке. «Надо же, – мелькнуло у нее в голове. – И откуда только такая выискалась?»

Какая же красивая. Бабаяга подняла на Барвинку свои зеленые глаза.

– Да что вы... не стоит. Не такая я красивая...

Голос ее почему-то задрожал.

– Да чего там не стоит? – злилась Барвинка еще больше. – Ты же просто красotka!

Это слово задело Бабаягу за живое. Она не хотела быть красotкой, не хотела! Забыв, что привыкла стесняться, малянка опустилась в кресло.

– Какой от этой красоты толк? – в сердцах воскликнула она. – Зачем она мне вообще?

Глава седьмая с половиной. Для чего нужна красота

Бабаяга давно уже мучилась над неразрешимой проблемой. Вот все людишки – обычные и нормальные. А она красивая. Какая-то не такая, как все. Ну и что ей прикажете с этой красотой делать? Ничего не делать нельзя – малянцы глазают, любят, восхищаются. Малянки, соответственно, ненавидят. За что? В чем она виновата? Почему ненавидят ее, а не этих восхищающихся малянцев?

Вот у писателя есть писательский талант. Он пишет. У актера – актерский. Он играет. А у бесталанного нет никакого таланта – он живет себе и радуется жизни. А ей что делать? В манекенщицы и то не берут – говорят, слишком красивая. Манекенщица должна одежду рекламировать, а не привлекать внимание к своей особе. Да и не хочет она вовсе манекенщицей быть!

А Барвинка – вот ведь же – сама за своей красотой в жизни не следит, одевается черт те как, и малянцы ей безразличны – но красотою она просто на дух не выносит! И хотя Барвинка ненавидела красотою, но ей вдруг пришла в голову счастливая мысль:

– Ты не знаешь, зачем нужна красота? – сказала она. – Да с твоей красотой можно горы свернуть!

– Какие еще горы? – не поняла иностранка.

– Такие! Можно от малянцев всего, чего хочешь, добиться.

– Но мне противно добиваться от малянцев нечестным путем, – возразила Бабаяга.

Барвинка недоуменно глянула на нее:

– Где же тут нечестный путь?

– Действительно, что тут нечестного? – спросила Бабаягу Кнопочка.

Иностранка на минуту задумалась.

– Вы так думаете? – сказала она наконец. – Но если я с помощью своей красоты попрошу у кого-нибудь из малянцев деньги, и он их мне даст. А потом не буду возвращать назад – ведь я крайсивая.

– Нет, вот это уже аморально! – воскликнула Барвинка. – И как только этим красавицам-раскрасавицам такие мысли в голову приходят?! Это просто отвратительно! Ты хоть знаешь, как это называется? – спросила она Бабаягу.

Иностранка помотала головой. Она не знала.

– Это называется наглое свинство!

– Да нет, я совсем не то имела... – пыталась оправдаться Бабаяга. – Я как раз имела в виду, что это делать очень плохо, и что я такое делать не соглашусь.

Барвинка прошла по комнате, размышляя. Обернулась к малянкам, и черные глаза ее заблестели.

– Брать от малянцев деньги в долг за свою красоту и потом не отдавать – гадость. Но добиваться от малянца того, что требуется ради общего дела... Ради того, чтобы восторжествовала справедливость... Ради чьего-нибудь спасения! – Она взмахнула руками так, словно пыталась дирижировать оркестром. – Это уже совсем другое дело. Вот для чего красота нужна, – заключила Барвинка.

От этих энергичных разговоров в комнате стало жарко. Кнопочка открыла окна и дверь на веранду.

– Значит, я могу добиваться, чтобы малянцы делали справедливость? – обрадовалась Бабаяга. – Или чтобы они кого-нибудь спасали? А кого надо спасать?

Барвинка уже всё придумала.

– С такой красоткой-вегетарианкой, как ты, мы всех животных спасем, – сказала она.

– Животных спасем? – переспросила Бабаяга. – Как же мы их будем спасать?

- Красота спасет мир. Так когда-то давно один дизайнер сказал.
- Мир? А разве кто-то хочет воинствовать?
- Воевать, – поправила Кнопочка.
- Уже воюют, – сказала Барвинка.

Бабаяга удивилась. Людишки – существа мирные, у них вообще никогда войны не было. Ни в Цветограде, ни в Солнцеграде, ни в Мерюкряке. Бывает, что дерутся, но так чтобы насмерть?

– Нет ли тут какой-то ошибки? – сказала наконец Бабаяга. – Я не слышала, чтобы кто-то воин... то есть, воевал.

– Воюют всё время. Только не людишки с людьми, а людишки с животными. Охотник Патрон каждый день идет со своим ружьем в лес и устраивает там войну.

- О, если так, то тогда да, конечно. Я очень согласна. Эту войну нужно переставать.
- Прекращать, – поправила Кнопочка.

Кнопочка дула на чай, Барвинка глядела в окно. А Бабаяга стала рассматривать жилище Барвинки. Малянка жила очень скромно, и это Бабаяге понравилось. Мебель – самая обыкновенная, ничего лишнего. Никаких сервантов с сервизами, вазами и кружевными салфеточками, никаких вышитых подушечек на креслах, пошлых тюлевых занавесок, абажуров с бахромой и прочих украшений, которые обычно встречаются в домах малянок. В комнате не было обоев, стены выкрашены простой оранжевой краской. Вместо картин – газетные вырезки в рамках.

«Малянец спас бабочку из-под колес грузовика», – прочла Бабаяга на одной из них. Там была и фотография: грузовик и возле него малянец, который держит обеими руками красивую бабочку-капустницу с лимонными крыльями.

- Какой героизм! – прошептала иностранка.

На оранжевых стенах красовались темно-синие лозунги.

– **ВИДЕТЬ НЕСПРАЕДЛИВОСТЬ И МОЛЧАТЬ – ЗНАЧИТ САМОЙ УЧАСТОВАТЬ В НЕЙ**, – прочла Бабаяга вслух.

- А правда, – сказала она. – Все видели, как несправедливо людишки делают с животными.
- Поступают, – поправила Кнопочка.

– Да-да, поступают. Все видели и молчали. Значит, все участвовали. Только одна Барвинка не замолчала.

Барвинка с ненавистью взглянула на иностранку. «Чего она меня тут расхваливает? – подумала она. – Пять минут как познакомились, уже льстить начала».

– Это тоже правильно, – сказала Бабаяга. – **БОЛЬШУЮ НЕСПРАЕДЛИВОСТЬ ВСЕГДА ПОРОЖДАЕТ МАЛЕНЬКАЯ**. Я очень согласная.

Иностранка любила читать надписи – так и язык учился скорее.

- **ЧЕЛОВЕК – ПРОДУКТ СВОЕГО ЗНАНИЯ**, – прочла она.
- Это откуда? – поинтересовалась Кнопочка.

– Не помню, – отмахнулась Барвинка. – Кажется, Герадокл придумал. Садитесь!

Малянки расселись в алюминиевые кресла вокруг небольшого овального столика. Его круглая крышка была сделана из стекла. Сквозь это стекло были видны маленькие Барвинкины ноги в грязных джинсах, скрещенные ножки Кнопочки в мокрых чулках и белые ноги Бабаяги, на которых ничего не было надето. В Мерюкряке тепло, и Бабаяга не привыкла ходить в чулках или колготках, а брюки там малянки вообще не носят. В комнате было тихо, если не считать довольного ворчания котов, доносившегося снаружи – они объедались сметаной. Кнопочка с наслаждением втягивала ртом горячий, почти обжигающий чай. Барвинка в задумчивости жевала печенье. Бабаяга смотрела на далекий оранжевый фонарь за окном.

– Надо распределить роли, – нарушила молчание Кнопочка. – Во-первых, нам нужна профессиональная реклама. А это могут сделать только Пёрышкин с Мальбертом.

- Почему? – не поняла Барвинка.

– Потому что они профессионалы. Пёрышкин напишет вегетарианские стихи, а Мальберт нарисует плакаты.

– Правильно!

– Только вот как их убедить? Они такие циничные. Им что убивать животных, что не убивать – абсолютно всё равно. Вегетарианство и мясоедство для них просто разные философии. А на животных им наплевать.

– Она, – сказала Барвинка, показав на Бабаягу куском печенья.

– Что она? – не поняла Кнопочка.

У Барвинки был полон рот печенья, и она помотала головой: дескать, дайте прожевать. Наконец сказала:

– Она это делает.

– Я? – удивилась иностранка. – Честное слово... я рисовать не очень умею. А стихи... ваш язык мой не родной. Лучше кто-то местный пускай.

– Сама стихи писать не будешь и плакаты рисовать. Поможешь наладить с ними контакт.

– С плакатами?

– С художником и поэтом.

– Но я не умею ладить контакты. Я не обладаю такой способностью.

– Обладаешь.

– Но как?

Глава восьмая. Мерюкряк

(примечание: эту главу вслух читать невозможно)

Отвлекусь ненадолго от вегетарианских планов малянок и, чтобы внести ясность, расскажу об этом загадочном Мерюкряке, из которого прибыла иммигрантка Бабаяга. Страна, где находится Цветоград, называется Лесания, потому что там полно лесов. Солнцеград тоже в Лесании. И Травоград, и Шоколадгород (в котором, к слову сказать, живут одни малянки, а малянцев там и в помине нет).

Лесания очень большая. Можно, конечно, себе представить, что кому-нибудь, кто сам довольно крупный, она покажется маленькой. Но для людишек это огромная страна. Все они так считают. И очень зеленая. Потому что в ней полно лесов. А городов в Лесании немного.

Если вылететь из Цветограда и лететь на дирижабле все время на юг, то через три дня попадешь в соседнюю страну, которая называется Мерюкряндия. Пешком-то в Мерюкряндию не дойти, уж больно леса непроходимы и горы непролазны. Доехать на автомобиле тоже никаких шансов. Потому что дорогу в Мерюкряк еще никто не проложил, а без дороги автомобиль не проедет. Поэтому добраться туда можно только по воздуху.

В тех местах ветер осенью дует с севера на юг, так что тот, кто хочет попасть в Мерюкряндию, должен вылетать осенью. И не забыть попрощаться как следует с друзьями и знакомыми, потому что провести за границей ему придется всю зиму и часть весны. Ведь обратный ветер – с юга на север начинает дуть только в мае. А если вспомнить, что месяц для людишки – как для нас почти год, станет ясно, что покидает он своих знакомых и друзей надолго.

Столица Мерюкряндии называется Мерюкряк. У Лесании-то нет столицы, там все города сами по себе: Травоград, Цветоград, Солнцеград... А у Мерюкряндии столица есть. Мерюкряк. Тем людишкам, которые слышат это название впервые, очень тяжело его выговорить. Но стоит немного поупражняться:

МЕ-РЮК-РЯК, МЕ-РЮК-РЯК,

а потом так:

МЕРЮ-КРЯК, МЕРЮ-КРЯК,

а потом еще вот так:

МЕРЮК-РЯК, МЕРЮК-РЯК

– и повторять эти упражнения перед едой три раза в день, то уже через две недели язык во рту так натренировывается, что сам собой начинает произносить: Мерюкряк, Мерюкряк. Важно только учиться этому именно перед едой, когда язык еще не такой уставший от пережевывания пищи.

В Лесании-то людишки говорят по-лесански, то есть, обычно. А вот мерюкрякский язык сложный, и выучить его не просто. В Цветограде по-мерюкрякски мало кто понимает. Кстати, Мерюкряк называют Мерюкряком только лесанцы. А по-мерюкрякски этот город назывался не Мерюкряк, а Мерюкрякудряк. Это не удивительно. Ведь и Париж по-французски будет Пари, а Рим по-итальянски – Рома. Так что уж если кто прилетает из Лесании в Мерюкряк, то ему приходится говорить не Мерюкряк, а Мерюкрякудряк. Слово это тоже не такое уж сложное. Освоив как следует МЕРЮКРЯК, можно приниматься за МЕРЮКРЯКУДРЯК:

МЕРЮКРЯ-КУДРЯК,

МЕРЮК-РЯКУД-РЯК,

МЕ-РЮКРЯ-КУДРЯК

Опять-таки, тренироваться перед едой, пока язык еще полон сил. Но не такой уж у них, в Мерюкряндии, сложный язык, как на первый взгляд кажется. Многие слова даже похожи на лесанские. Вот, например, вилка по-мерюкрякски будет викла, а огурец – орегуч, так что «наколите мне на вилку вон тот огурец» будет: «накоилте мне на виклу вин тот орегуч». А

«сегодня хорошая погода» по-мерюкрякски будет так: «седонгя хошорая подога». Вообще, для тех, кто уже пвирык, чтить по-мерюкрякски совсем не трундо. Вот горовить – с нерпывикчи солнжее.

А терепь я расксажу ненмого об исротии гоорда Мерюкряка. Он онечь двенрий. Кодга-то, в неазмапянтые вернема, лдюишками пварили цраи. Цверогтада и Сорнцеглада тодга в пониме не блюю, а на их мсете рсоли нерпохойдмые засорли. У ондого црая блюю оечнь солнжое имя, коротое не так прсото вывогорить...

Ой! Что-то я увлекся и стал писать по-мерюкрякски. Когда-то я сам изучал этот язык, а он такой въедливый! Стоит им немного попользоваться – как уж и отделаться потом не можешь. Особенно когда на компьютере печатаешь. Иногда думаешь, что это пальцы заплетаются, а это они, на самом деле, просто печатают по-мерюкрякски. Ну, всё. Чур меня! Чур!

Так вот, у одного такого царя было, опять-таки, очень сложное имя, которое совсем не просто выговорить. Звали его НЕ-ВУ-ХО-НЕ-ВРО-ТО-НЕ-ВНО-СОР. То есть, попросту Невухоневротоневносор. Откуда такое имя взялось – тут мнения мерюкрякских историков разделяются, а лесанские историки даже и не пытались эту загадку решить. Чересчур сложна.

Так вот. Чужеземцу произнести имя царя было не просто непросто, а просто невозможно. И поэтому чужеземцы в Мерюкряк тогда не ездили. Собственно, сначала ездили. Но каждому, кто не мог правильно сказать «Невухоневротоневносор»... то есть, не то чтобы голову отрубили – это нет, а надевали на нее горшок и заставляли убираться подобру-поздорову. На горшке, естественно, написано имя царя. Очень это чужеземцев обижало – а что делать? С царями шутки плохи. В общем, чужеземцы туда не ездили.

Сами-то жители учились произносить имя своего царя в специальной школе. Поэтому у них проблем не было. Им домашнее задание такое задавали: повторить вслух десять раз: НЕ-ВУ-ХО-НЕ-ВРО-ТО-НЕ-ВНО-СОР, НЕ-ВУ-ХО-НЕ-ВРО-ТО-НЕ-ВНО-СОР, – а потом на уроке спрашивали. Кто правильно повторит, тому награда – на следующий день задают повторить уже не десять, а одиннадцать раз. А кто ошибался – того, наоборот, наказывали. Меньше раз повторять задавали.

Некоторые могут не понять, что за радость, когда тебе задают повторить НЕ-ВУ-ХО-НЕ-ВРО-ТО-НЕ-ВНО-СОР вместо пятнадцати шестнадцать раз? А в том-то и радость, что когда доходили до двадцати одного – считалось, что людишка уже так хорошо знает имя царя, что в жизни не забудет. И больше повторять не надо. А двадцать один – это потому, что столько букв в имени: НЕ-ВУ-ХО-НЕ-ВРО-ТО-НЕ-ВНО-СОР. Ну и правда, потом уж никогда не забывали.

Ну, в общем Невухоневротоневносор был могущественным царем. И решил построить высокую башню. Чтобы показать всем, какой он могущественный. Но не просто высокую, а очень высокую. То есть, как в Цветограде некоторые любят выражаться, конкретно высокую. До самого неба.

И людишки начали строить. Долго строили, наконец построили почти до конца. Уже пролетающие облака за башню зацеплялись, и ни одна птица не могла до верха ее долететь – так высоко. То есть, если некоторые очень серьезные орлы еще вили гнезда на уступах башни где-то на двух третях ее высоты, то дальше этого уже никто не решался ни вить, ни лететь.

Царь очень радовался. Настолько он был доволен собой и своим народом, что на радостях позволил даже чужеземцам свободно приезжать в Мерюкряндию и уезжать обратно без горшка на голове. Некоторые, правда, говорили, что это царь сделал не от доброты, а для того, чтобы иностранцам свою башню показать. Тут мнения историков опять-таки расходятся. Мерюкрякские историки считают, что от доброты, а лесанские – что чтоб показать.

В общем, башня продвигалась к концу, царь радовался, но тут, откуда ни возьмись, появилась загадочная болезнь. Людишки вдруг начали как-то странно разговаривать. Сперва немного странно, а потом всё страннее и страннее. И наконец заговорили совсем уж очень странно. Теперь-то, спустя много-много лет, ученые поняли, что это за болезнь была. Она была

от вируса. Вирус попадал людишке в голову через одно из отверстий, которые в ней имеются – нос, уши или рот. Вначале заболевшие людишки разговаривали между собой примерно так:

- Привет!
- Пиврет!
- Как длеа?
- Чего??
- Я горовю как длеа, как повижаешь, не потянно что ли?

А сам заболевший не понимал, что неправильно говорит какое-нибудь слово, потому что вирус менял это слово у него в голове на другое, и людишка думал, что оно всегда таким было. Сейчас-то людишки-ученые поняли, как в голове, то есть, в мозгу, который находится в голове, слова хранятся. Они по специальным клеточкам сидят. Каждое слово – в своей клеточке. А клеточка-слово прикреплено как бы проводками ко всем буквам, что в этом слове есть. Например, ПАРОВОЗ привязан к П и А, и Р, и В, и так далее. И вот вредный вирус эти прицепки местами менял. И вместо ПА-РО-ВОЗ получалось ПА-ВО-РОЗ. А вместо КОЛ-БА-СА – КОЛ-АБ-АС. Но людишка-то и сам не знает, что у него в голове делается. Клеточек-слов ведь очень и очень много. За всеми не уследишь! И если вирус перепутал буквы у нескольких, людишка даже об этом и не догадывается, а говорит так, как слова у него в голове теперь по-новому записаны. Ведь голова – она как компьютер, а всем известно, какой ужас может выйти, если поменять местами байты с битами в каком-нибудь файле.

Так теперь бедные мерюкрякцы и разговаривали:

- Не прадва ли хоршоая поогда?
- Пока нигечо, но полсе одеба мжоеет джоть пойти.

Вначале они очень расстраивались, но постепенно привыкли. Одни, когда их плохо понимали, стали себе помогать знаками. Например, показывать на небо и хмуриться – значит, дождь, а улыбаться – значит, солнце. Другие рисовали картинки. Правда, некоторые так рисуют, что пойди их пойми. Поэтому многие умные людишки, чтобы не мучиться, стали просто меньше слушать других. Всё равно ничего не понятно – чего же слушать? А другие, еще более умные людишки, сами стали говорить меньше.

Понятно, что с таким бедственным положением в стране строить башню стало невозможно. Да все про нее и вовсе забыли. Да и вообще кому она была теперь нужна, кроме некоторых орлов, которые вили на ее высоких уступах свои огромные гнезда?

Ни царь Невухоневротоневносор, ни его советники и ученые людишки – никто не мог понять, откуда такая напасть пришла. Про вирусы в те времена не слыхали. Стали людишки про себя говорить, что это царю наказание за то, что чужеземцев заставлял свое длинное имя произносить. Но как такое скажешь, когда ты говоришь, а понять тебя никто не может?

- Царь-то свосем нгальй стал, вот так ему и надо!
- Гечо-гечо? Нигечо не поминаю!
- Гечо, гечо... сам рудак!
- Это ты ругак, а я тебя не ругакал!
- А я тебя сечйас в мордак!
- Это я тбея в модрак!

Говорить становилось всё труднее, и малянцы теперь предпочитали объясняться кулаками. А малянки – ногтями и волосами. А некоторые говорили, что это всё не из-за царя, а из-за башни.

- Силшком выюская она, и всеь поярдок в гоусдарстве растсроила, – говорили некоторые.
- Бог не выедржал и на Неврухосранодосора ралозилса, – говорили третьи.

Эпидемия распространялась. Скоро во всем государстве не осталось ни одного здорового людишки. Даже царь и его подданные, которые заперлись во дворце и никого к себе не пускали – всё равно заболели. И вот что интересно. Если один людишка заражался от другого, то он

перенимал от него все неправильные слова, которые уже есть у того, и говорил их точно так же, как заразивший. Это придворный ученый понял, которого звали Нарокотух. Но правда ли его так звали или нет – это теперь трудно выяснить. Потому что из ста двадцати четырех научных книг, которые написал этот выдающийся людишка (и все от руки – ведь тогда еще книги печатать не умели), до нас дошли только три. И в одной он именуется Нарокотухом, в другой Народобухом, а в третьей Ноутбуком. Но почерк-то один и тот же! Всезнайка с доктором Шприцом, изучавшие его труды, пришли к выводу, что ученый во время их написания уже был не вполне здоров.

Так вот, этот Нарокотух или Народобух, или Ноутбук понял, как во дворец зараза попала. Притащил ее царский шут. Он, оказывается, тайно убежал по ночам из дворца, чтобы встретиться с одной малянкой. А эта малянка уже к тому времени была серьезно больна. Понять, что она говорит, было практически невозможно. Они с шутком объяснялись знаками. Говорят, шут ее очень любил. Какова же была его радость, когда он вдруг стал понимать буквально каждое слово своей возлюбленной! Ясное дело: инфекция передалась бедняге от нее...

Царь Невухоневротоневносор заразился прямо от шута, от царя заразилась царица, от нее – главная фрейлина, а потом уже и все остальные, потому что главная фрейлина была страшно болтлива. Каждое слово, которое она слышала от одного из обитателей дворца, она обязательно пересказывала всем остальным. А болезнь, как я уже говорил, передавалась через рот и через уши. Благодаря главной фрейлине, зараза распространилась так быстро, что никто даже не успел заметить, что он заболел, потому что и все остальные вокруг тоже заболели и стали говорить точно такими же словами. А ведь никому из дворца выходить не разрешалось, так что все, кто там находились – а это была целая куча народу – по-прежнему разговаривали на одном и том же языке. Правда, теперь этот язык был понятен только им одним, да еще и знакомой шута, проживавшей где-то возле рынка.

Вот такая грустная история произошла с народом Мерюкряндии. И ведь ладно, если бы людишки неправильно произносили только некоторые, немногие слова – это еще полбеды. Но чем больше распространялась эпидемия, тем всё больше народу уже не могло – хоть убей! – выговорить длинное имя своего владыки: НЕ-ВУ-ХО-НЕ-ВРО-ТО-НЕ-ВНО-СОП. Кто говорил Вуневротосорокух, кто Сыроухоневнорот, а уж совсем больные и вовсе, стыдно даже повторить: Нервноух или Мусорот. Царские слуги по-прежнему наказывали каждого, кто его имя коверкает. Это было сильно на руку мастерам гончарного дела – горшков требовалась уйма. Правда, те, кто наказывал, и сами теперь имя царя путали, так что пришлось им и друг на друга горшки понадевать. В конце концов вся страна вместо шапок стала на голове горшки носить. С тех пор и прицепилось к мерюкрякцам это прозвище: горшка-башка. Бедный царь не смог вынести такого позора и, чтобы не видеть несчастья, постигшего его народ, велел надеть себе на голову самый большой горшок – золотой с изумрудами – и убежал в лес. Ведь сам-то он уже тоже свое имя не мог правильно произносить! А отменять собственный указ о том, что «Кто государево имя коверкнёт – тому в горшке ходить», ему царская гордость не позволяла. Своим верным слугам он запретил идти за собой, и те рассказали, что видели, как бедный монарх углубился в пальмовый лес, стучаясь горшком о стволы пальм. Больше его никто не видел.

Глава девятая. Борьба

Борьба вокруг употребления мяса разыгралась нешуточная. Через две недели весь город уже разделялся на два враждующих лагеря: вегетарианцев и мясоедов. Либо ты ешь мясо, либо ты его не ешь. Третьего не дано. Общество «Зверям – жить», а сокращенно ЗВЕРЖ, росло, и каждый день в него вступали новые члены и членки. Говорить «членка» – неправильно, но с легкой руки Пустомели, который вообще любил коверкать слова, все стали их называть именно так.

Художник Мальберт с поэтом Пёрышкиным сделали вегетарианскому обществу рекламу. В городе появились плакаты и листовки, убеждавшие людишек не есть мясо. Барвинка оказалась права. Наладить контакт с художником и поэтом Бабаяге удалось чрезвычайно быстро. Бабаяга и сама не понимала, как это у нее вышло, хоть ей и стоило большого труда преодолеть свою робость.

– Да что ты всё стесняешься и стесняешься! – в сердцах кричала на нее Барвинка. – Нельзя же всю жизнь всех бояться! Что тебе другие людишки сделать могут? Убьют или ищусают?

– Да нет... – замялась Бабаяга. – Но все-таки, как-то неудобно к малянкам прилизываться.

Она имела в виду «подлизываться».

– Прилизываться! – расхохоталась Барвинка. – Ну, ничего! Ничего с тобой не будет. Ради спасения животных поприлизываешься немного.

В конце концов Бабаяга согласилась. Но все-таки она очень боялась, что Пёрышкин с Мальбертом не захотят ее слушать. Ведь она совсем не умеет убеждать! К тому же лесанский – не ее родной язык, а на чужом языке порой так трудно бывает что-нибудь объяснить!

– Будешь им говорить, что я скажу, – велела Барвинка. – Ничего от себя. Понятно?

– Понятно, но...

Мальберта они пригласили на следующее утро. Бабаяга еще не пришла, она была у себя дома и приводила себя в порядок. Она замечательно умела кроить и шить на швейной машинке, и вот теперь шила себе платье и новое пальто. Ведь у бедной иностранки совсем не осталось приличной одежды – так уж она привыкла выходить на улицу в рваных, грязных тряпках.

– Я прошу вас ненадолго прийти к нам сегодня с утра, – позвонила Барвинка художнику. – У нас к вам срочное дело.

Мальберт все отнекивался, но Барвинка умела добиваться от людишек того, что ей нужно, и художник в конце концов уступил. Правда, он опоздал на два часа, но все-таки.

– Видите ли... – начал Мальберт прямо с порога, оглядывая Барвинку и Кнопочку. – Я собирался идти сегодня совсем в другое место, у меня много дел...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.